А. Е. Алекторовъ.

Матеріалы къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

Императорская Военно-Медицинская Академія.

Учебное заведеніе, гдѣ платятъ не за ученіе, а учащимся.—Книга профессора Сталь.—Студенты искони были склонны къ безпорядкамъ и буйству.—Розги.—Иванъ Сочинскій.—Кружки самообразоваиія и волненія въ 1869 г.—Демонстрація на Казанской площади.—Убійство въ Кіевѣ жандармскаго капитана бар. Гейкинга.—Кровавая расправа въ Ростовѣ-на-Дону съ рабочимъ Никоновымъ и прокламаціи о томъ въ медико-хирургической академіи.—Покушеніе Л. Мирскаго на шефа жандармовъ геиерала Дрентельиа.—Ограбленіе Херсонскаго казначейства.—1 марта 1881 г. и послѣдніе часы жизни звѣрски убитаго Государя Императора Александра II.—Участники заговора.—Кибальчичъ.—Новѣйшій періодъ времени.—Толпа студентовъ бьетъ смертнымъ боемъ въ физической аудиторіи товарищей—Дитлова и Колобова за принадлежность ихъ къ „Союзу русскаго народа“.—Безпорядки тяиутся на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ.—Академикъ Марковъ, потерявшій душевное равновѣсіе.—Похороны Толстого и годовщина его смерти.—Волненія на почвѣ отданія чести.—Студентъ Марковинъ и три профессора: Беллярминовъ, Кравковъ и Федоровъ.—Студентъ Пиролянцъ.—Буйство и безчинства студеитовъ 9 марта 1913 года, закрытіе и преобразоваиіе академіи.—Что-то дастъ новое положеиіе?

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.
1913.

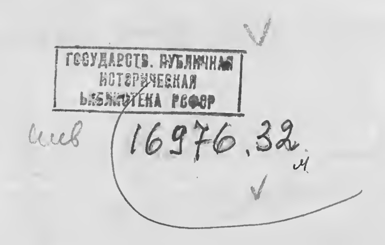
А. Е. Алекторовъ.

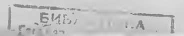
Матеріалы къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

Императорская Военно-Медицинская Академія.

Учебное заведеніе, гдѣ платятъ не за ученіе, а учащимся.—Книга профессора Сталь.—Студенты искони были склонны къ безпорядкамъ и буйству.—Розги.—Иванъ Сочинскій.—Кружки самообразованія и волненія въ 1869 г.—Демонстрація на Казанской площади.—Убійство въ Кіевѣ жандармскаго капитана бар. Гейкинга.—Кровавая расправа въ Ростовѣ-на-Дону съ рабочимъ Никоновымъ и прокламаціи о томъ въ медико-хирургической академіи.—Покушеніе Л. Мирскаго на шефа жандармовъ генерала Дрентельна.—Ограбленіе Херсонскаго казначейства.—1 марта 1881 г. и послѣдніе часы жизни звѣрски убитаго Государя Императора Александра II.—Участники заговора.—Кибальчичъ.—Новѣйшій періодъ времени.—Толпа студентовъ бьетъ смертнымъ боемъ въ физической аудиторіи товарищей—Дитлова и Колобова за принадлежность ихъ къ „Союзу русскаго народа“.—Безпорядки тянутся на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ.—Академикъ Марковъ, потерявшій душевное равновѣсіе.—Похороны Толстого и годовщина его смерти.—Волненія на почвѣ отданія чести.—Студентъ Марковичъ и три профессора: Беллярминовъ, Кравковъ и Федоровъ.—Студентъ Пиролянцъ.—Буйство и безчинства студентовъ 9 марта 1913 года, закрытіе и преобразованіе академіи.—Что-то дастъ новое положеніе?

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.
1913.

Матеріалы къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

Императорская Военно-Медицинская Академія.

„Отрицатели вѣры, бойцы всемірнаго разрушенія и всеобщаго дикаго безначалія, противники нравственности, безпощадные развратители молодости, всюду несутъ они свою страшную проповѣдь бунта и крови, отмѣчая убійствами свой отвратительный слѣдъ“.

Изъ рѣчи оберъ-прокурора при особомъ присутствіи Правительствующаго Сената Н. В. Муравьева, произнесенной въ засѣданіи 28 марта 1881 г.

Въ военномъ вѣдомствѣ,—читаемъ въ газетѣ „Новое Время“ за 1908 годъ,—существуетъ учебное заведеніе съ огромнымъ штатомъ профессоровъ, магистровъ и прочихъ ученыхъ мужей, съ богатой библіотекой, богато обставленными физическими кабинетами и канцеляріей, съ многочисленнымъ штатомъ служащихъ различныхъ степеней, съ колоссальнымъ госпиталемъ, первымъ въ Россіи по величинѣ и щедрости оборудованія, согласно самымъ дорогимъ требованіямъ науки, и сотнями учащихся. Все это сооруженіе занимаетъ цѣлый кварталъ и стоитъ огромныхъ денегъ. Это учрежденіе носитъ громкое названіе военно-медицинской академіи, составляетъ, повидимому, военно-учебное заведеніе и имѣетъ главною цѣлью—дать кадръ врачей нашей арміи. Военно-медицинская академія привлекаетъ къ себѣ массу молодежи, старающейся попасть въ число ея учениковъ. Конкурсъ, вслѣдствіе этого, настолько великъ, что принимаютъ преимущественно имѣющихъ медали за окончаніе среднихъ учебныхъ заведеній. Чѣмъ же объясняется такой наплывъ учащихся? Тѣмъ, что военно-меди-

цинская академія есть единственное учебное заведеніе, гдѣ платятъ не за ученіе, а учащимся: именно, выдаютъ стипендіи по 300 рублей въ годъ на трехъ старшихъ курсахъ, а по окончаніи курса—обязательно предоставляютъ мѣсто, хотя и неважно оплачиваемое, но вѣрное. При всеобщемъ стремленіи у насъ къ казенному мѣсту, неумѣньи и боязни самостоятельно бороться съ трудовою жизнью, эти условія играютъ большую роль въ стремленіи въ академію; къ тому же въ тѣсной связи съ академіей находится обширная клиническая больница и колоссальный клиническій госпиталь съ прославленными именами профессоровъ, какъ обширное поле для наблюденій, опытовъ и практическихъ работъ. Условія для желающихъ работать, какъ видно, самыя завидныя [1]).

Военно-медицинская академія носила раньше названіе медико-хирургической академіи.

Основаніе ея относится къ 1798 году [2]). Съ 1798 по 1802 г.г. академія находилась подъ вѣдомствомъ Медицинской Коллегіи, съ 1802 по 1810 г.г. была въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; съ 1810 г. переведена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія; въ 1822 году возвратилась въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго оставалась до 27 ноября 1838 г., когда перешла въ Военное Министерство.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ 1908 году вышла въ свѣтъ книга профессора Сталь, подъ заглавіемъ: „Пережитое и передуманное студентомъ, врачемъ и профессоромъ"; которая довольно серьезно познакомила насъ съ бытомъ и нравами студентовъ и порядками бывшей медико-хирургической академіи.

Вотъ какъ авторъ воспоминаній описываетъ аудиторію популярнаго въ свое время профессора физіологіи Сѣченова, зачисленнаго когда-то въ радикалы за свое чисто-научное изслѣдованіе „Рефлексы головного мозга", впослѣдствіи конфискованное.

Аудиторія помѣщалась въ ветхомъ, сыромъ и мрачномъ зданіи, выходившемъ на Неву. Многочисленная толпа весьма разнообразныхъ по виду, возрасту и полу слушате-

[1]) „Новое Время", 1908 г., 7 декабря, № 11761.

[2]) Указъ 18 декабря 1798 г.

лей занимала не только всѣ мѣста на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ, но и на подоконникахъ; усаживались запросто на полу, впереди перилъ, непосредственно у стола профессора или у самой стѣны. Шумъ, гамъ, говоръ, дымъ отъ папиросъ и сигаръ стоялъ коромысломъ. Въ то время никто изъ слушателей не находилъ въ этомъ ничего дикаго или непристойнаго для уважаемаго всѣми профессора. Тогда отъ студентовъ не требовалось предъявленія билетовъ или свидѣтельствъ о личности. Двери академіи были настежъ для всѣхъ открыты. Аудиторіи тѣхъ профессоровъ, которые, благодаря интереснымъ своимъ лекціямъ или опытамъ, пользовались извѣстностью, привлекали многихъ постороннихъ слушателей изъ петербургской интеллигенціи. Сюда стекались молодые ученые, практикующіе врачи, дамы изъ высшаго общества, интересовавшіяся естественными науками. Многіе являлись задолго до лекціи, чтобы занять лучшія мѣста.

Профессоръ Сѣченовъ, худощавый, невысокаго роста, являлся всегда съ какимъ-нибудь приборомъ въ рукахъ въ сопровожденіи вооруженныхъ различными физіологическими препаратами и инструментами ассистентовъ, впослѣдствіи извѣстныхъ ученыхъ: *Спиро*, *Пашутина*, князя *Тарханова* и друг. Чтеніе Сѣченова отличалось простотою изложенія и доступностью. Конецъ лекціи всегда сопровождался долго несмолкавшими аплодисментами. Послѣ лекціи знаменитый физіологъ отправлялся въ свою лабораторію, гдѣ вмѣстѣ съ ассистентами до глубокой ночи производилъ научные опыты, напѣвая при этомъ русскую пѣсню: „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста“ въ собственномъ латинскомъ переводѣ: „Propter flumen, propter pontem“.

Сѣченовымъ изучены законы раствореніи кислорода и углекислоты въ крови, способы качественнаго опредѣленія этихъ газовъ и форма, въ какой они заключаются въ крови. Сѣченовымъ же найденъ особый мозговой аппаратъ, лежащій у лягушки въ головномъ мозгу въ зрительныхъ буграхъ и четыреххолміи. Удаленіе этихъ частей увеличиваетъ рефлективную возбудимость лягушки. У высшихъ позвоночныхъ присутствіе такого аппарата доказано въ четыреххолміи и продолговатомъ мозгу; по имени изслѣдователя

аппараты эти названы „Сѣченовскими задерживающими рефлексы центрами“.

Другой профессоръ медико-хирургической академіи *Венцель Груберъ* артистически рѣзалъ трупы и не менѣе артистически рѣзалъ студентовъ на экзаменѣ.

Анатомическій театръ, или „препаровочная студентовъ“ помѣщалась также въ ветхомъ, низкомъ и узкомъ деревянномъ баракѣ, или амбарѣ. Поперечно установленные въ немъ столы одними концами упирались почти въ самыя окна, вслѣдствіе чего у студентовъ, занимавшихся препаровкою холодныхъ труповъ въ этомъ помѣщеніи, гдѣ вѣтеръ разгуливалъ, какъ на палубѣ судна, коченѣли руки и ноги. Самъ профессоръ Груберъ являлся передъ слушателями въ овчинной шубѣ, длинныхъ теплыхъ „мокроступахъ“ и въ какомъ-то особенно нахлобученномъ на голову картузѣ. Большія очки въ черной оправѣ и неизмѣнная многодымная сигара во рту дополняли его внушительный видъ. Впереди профессора шествовалъ служитель-солдатъ, державшій въ одной рукѣ двѣ-три стеариновыя зажженыя свѣчи безъ подсвѣчниковъ, а въ другой ящикъ съ инструментами: пинцетами и скальпелями. По обѣимъ сторонамъ Грубера сопровождали прозекторы—Ермолаевъ и Таранецкій, будущій начальникъ академіи. Шествіе замыкалъ фельдшеръ Андроновскій, который своими знаніями по анатоміи выручалъ всегда студентовъ. По настоянію Грубера, передъ конференціею Андроновскій былъ удостоенъ безъ экзамена званія старшаго фельдшера и офицерскаго мундира. Это не помѣшало, однако же, Груберу избить публично Андроновскаго и изгнать его, когда обнаружилось, что онъ продавалъ трупы. Съ горя Андроновскій спился и умеръ отъ чахотки.

Въ препаровочной Андроновскій развертывалъ длинную книгу, извѣстную подъ названіемъ: „Житіе всѣхъ мучениковъ груберистики“. Въ нее вносились отмѣтки, указывавшія, сколько разъ каждый студентъ находился на лицо у даннаго ему трупа и когда какія обнаруживалъ познанія. Въ этомъ отношеніи у Грубера существовала масса степеней: неудовлетворительно, весьма неудовлетворительно курсивомъ или: „non sufficit“, „maximum non sufficit“. Онъ безпощадно гналъ не только студентовъ, но и бородатыхъ врачей, требуя, чтобы тѣ приходили „еще разъ“.

При обходѣ столовъ съ трупами упорный взоръ Грубера пронизывалъ каждаго изъ студентовъ. Лекцій Груберъ не читалъ, да и не могъ бы читать. Свои вопросы онъ предлагалъ на какомъ-то тарабарскомъ нѣмецко-латинско-русскомъ діалектѣ. Всѣ эти вопросы вошли въ тощую книжку, называвшуюся „груберистикою".

Сорокъ два года Груберъ провелъ въ своей препаровочной, въ атмосферѣ разлагающихся труповъ, изрѣзалъ ихъ десятки тысячъ, произвелъ 80000 экзаменовъ; черезъ его руки прошло свыше 10000 врачей.

Груберъ считалъ себя царькомъ своего царства мертвыхъ. Когда однажды градоначальникъ послалъ пристава въ препаровочную, для дознанія по поводу найденныхъ на улицѣ частей мужского трупа, якобы, потерянныхъ слушательницами Грубера, послѣдній велѣлъ сказать генералу Трепову, что генералъ Груберъ у себя въ препаровочной— „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ" и ничьихъ распоряженій не признаетъ.

Въ препаровочной рѣзали трупы, а въ хирургическихъ клиникахъ кромсали живыхъ людей и дѣлали это безъ соблюденія самыхъ необходимыхъ предосторожностей, безъ примѣненія самыхъ простыхъ обеззараживающихъ средствъ, которыя теперь самый захудалый провинціальный эскулапъ примѣняетъ въ своей сельской практикѣ.

Хирурги академіи *Корженевскій* и *Богдановскій* не признавали знаменитаго листеровскаго способа противогнилостнаго лѣченія ранъ и даже издѣвались надъ листеровской теоріей. Больные во время операцій буквально валялись въ гноѣ и крови. Проф. Корженевскій, послѣ изслѣдованія пальцемъ какой-нибудь злокачественной раны въ половой сферѣ, влѣзалъ грязнымъ пальцемъ другому больному въ полость рта. Узнавъ, что хирургъ *Склифасовскій* примѣняетъ листеровскіе пріемы, Корженевскій иронически замѣтилъ:

— Не смѣшно ли, что такой крупный человѣкъ, какъ Склифасовскій, боится такихъ мелкихъ твореній, какъ бактеріи, которыхъ онъ не видитъ.

Проф. *Богдановскій*, также хирургъ старой школы, лишь подъ конецъ своей жизни, уступивъ просьбамъ своихъ учениковъ, разрѣшилъ „орошать" раны карболкой, но такъ

называемой листеровской антисептики не признавалъ. Оперировалъ онъ въ сюртукѣ; фельдшера немытыми руками и грязными тряпками перевязывали кровоточившія раны. Такіе пріемы практиковались Богдановскимъ до его кончины: онъ умеръ съ ножемъ въ рукахъ, когда показывалъ студентамъ, какъ слѣдуетъ оперировать больного.

Ярымъ листеріанцемъ былъ въ медико-хирургической академіи проф. *Пелехинъ*, который въ порывѣ увлеченія сбрилъ не только бороду и усы, но и брови, чтобы не переносить на нихъ заразныхъ бациллъ. Впрочемъ, это не составило ему славы знаменитаго хирурга, каковымъ былъ проф. *Склифасовскій*. Послѣдній сталъ дѣлать самыя сложныя операціи, вродѣ вырѣзыванія гортани и частей внутренностей, на которыя не посягали старые хирурги. Склифасовскій былъ хирургъ-художникъ. Онъ хлопоталъ всегда о томъ, чтобы операція не изуродовала больного.

Изящныя, но не всегда удачныя операціи дѣлалъ одинъ изъ преемниковъ Склифасовскаго проф. *Коломнинъ*. Не разъ результатомъ его изящныхъ операцій являлась смерть оперируемаго подъ ножемъ.

— Больной умеръ, но операція сдѣлана по всѣмъ правиламъ хирургическаго искусства, заявлялъ хирургъ, обращаясь къ студентамъ.

Коломнинъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Въ октябрѣ 1886 г. онъ опредѣлилъ у одной больной язву туберкулезнаго характера въ области rectum и, при совершеніи операціи, прибѣгъ къ кокаину. Больная умерла. При вскрытіи Коломнинъ пришелъ къ убѣжденію, что въ операціи не было надобности и что больная умерла отъ чрезмѣрно большой дозы кокаина. Обвинивъ себя въ смерти больной, Коломнинъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера.

Большою популярностью и любовью студентовъ пользовался профессоръ химіи и композиторъ *Бородинъ*, котораго въ шутку называли лучшимъ химикомъ изъ музыкантовъ и лучшимъ музыкантомъ изъ химиковъ.

Любили студенты и Руднева, считавшагося „русскимъ Вирховымъ". Читалъ онъ патологическую анатомію. Далеко уступая Боткину, о которомъ говорится ниже, даровитостью и глубиной научнаго творчества, Рудневъ тѣмъ не менѣе много сдѣлалъ для подъема научнаго знанія въ академіи и въ

частности для созиданія школы по патологической анатоміи. Какъ преподаватель, онъ почти не зналъ себѣ соперника: удивительная ясность, опредѣленность и точность вели къ тому, что содержаніе лекцій усвоивалось легко и прочно.

Двери академіи, благодаря свободолюбію министра *Д. А. Милютина,* были открыты для женщинъ. Одна изъ нихъ, Кошеварова, блестяще защитила диссертацію у проф. Руднева и онъ предложилъ ей руку и сердце.

Нельзя, конечно, обойти молчаніемъ дѣятельность *Пирогова* и *Манассеина.* Въ медико-хирургической академіи Н. И. Пироговъ выступилъ даровитымъ и неутомимымъ новаторомъ. Съ Пирогова начинается строго научное изученіе медицины. По его иниціативѣ возникъ при академіи анатомическій институтъ съ музеемъ нормальной и патологической анатоміи, который вскорѣ пополнился препаратами отъ массы вскрытій, произведенныхъ Пироговымъ во время его профессуры. Ученая дѣятельность Манассеина въ академіи была весьма разнообразна и очень плодотворна.

Самыми популярными среди студентовъ-медиковъ были профессора по внутреннимъ болѣзнямъ *Боткинъ* и *Эйхвальдъ,* аудиторіи которыхъ привлекали постоянно больше всего слушателей. Творецъ русской терапіи, Боткинъ создалъ цѣлую школу теоретическихъ и практическихъ терапевтовъ.

Терапевты-эмпирики уступили свое мѣсто терапевтамъ съ основательной научною подготовкою, съ естественно-научной методологіей и методами изслѣдованія. Эйхвальдъ занималъ каѳедру діагностики и общей терапіи. По иниціативѣ великой княгини Елены Павловны и отчасти на ея пожертвованія онъ основалъ въ 1885 г. въ С.-Петербургѣ клиническій институтъ ея имени, имѣющій своей задачей способствовать врачамъ усовершенствоваться въ важнѣйшихъ отрасляхъ медицинскихъ наукъ.

Между Боткинымъ и Эйхвальдомъ существовало своего рода соперничество. Боткинъ пріобрѣлъ большое вліяніе въ конференціи и окружилъ себя многими преданными ему помощниками.

Преподаваніе внутреннихъ болѣзней, благодаря Боткину, было поставлено въ академіи лучше, чѣмъ другіе предметы. Заслуги Боткина и Эйхвальда въ области меди-

цины хорошо извѣстны всѣмъ и памятны. Боткинъ не былъ выдающимся лекторомъ, но былъ отличнымъ діагностомъ.

Въ 1881 г. медико-хирургическая академія преобразована въ военно-медицинскую [1]).

Много дала медико-хирургическая, а впослѣдствіи военно-медицинская академія наукѣ, не мало дала и революціи. Въ то время какъ одна часть молодежи занималась изученіемъ медицины, съ восторгомъ слѣдя за своими блестящими руководителями, другая часть предавалась политикѣ, слѣдуя за вожаками революціонныхъ теченій, а затѣмъ и сама давала вожаковъ.

Студенты искони были склонны къ безпорядкамъ и буйству, ставшимъ затѣмъ политическими. Такъ, еще въ 1802 году подлекарь *Языковъ* опредѣленъ былъ рядовымъ въ Рязанскій мушкатерскій полкъ за „буйство". Въ 1805 году, при столкновеніи съ инспекторомъ, учащіеся высказали „отмѣнную дерзость съ угрозами", за что всѣ воспитанники были арестованы и нѣсколько человѣкъ, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ разжалованы „на первый случай" въ фельдшера. Въ 1807 году *Смѣловскій* за драку и пьянство „написанъ въ фельдшера". За требованіе обычнаго рождественскаго гуся, при чемъ было разбито нѣсколько тарелокъ, въ 1807 г. замѣченные въ буйствѣ студенты были арестованы на всѣ праздники, а одинъ изъ нихъ— Хабарскій, по приказанію Государя отданъ въ солдаты; другіе зачинщики „написаны въ фельдшера".

Сдача студентовъ-медиковъ въ солдаты первое время была, по словамъ Сватикова въ „Современномъ Мірѣ" [2]), ихъ одіозной привиллегіей. Она производилась по отдѣльнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Однако, въ 1811 году послѣдовала первая мѣра общаго характера. Высочайшее повелѣніе гласило: „Студентовъ медико-хирургической академіи испорченной нравственности, которыхъ домашнія мѣры исправить не могли, исключать, обращая навсегда въ аптекарскіе или садовые ученики, а тѣхъ, которые обнаружатся слишкомъ развратными, сдавать въ солдаты".

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 1908 г., 4 апрѣля.—„Современный Міръ", 1913 г., № 4. О. Аптекманъ: „Записки семидесятника".

[2]) „Современный Міръ", 1913 г., мартъ, № 3. „Студенты-медики".

Въ 1812 году студентъ *Городецкій*, пришедши 10 августа въ пьяномъ видѣ въ столовую, разбилъ тарелки и шумѣлъ; унтеръ офицерамъ и солдатамъ, коимъ приказано было посадить его въ карцеръ, не давался и грозилъ ихъ перебить, сданъ въ солдаты. Въ 1813 году студенты шумѣли въ столовой изъ-за ватрушекъ, въ результатѣ—одинъ былъ отданъ въ солдаты, четыре—въ фельдшера, шесть посажены на хлѣбъ и воду на недѣлю и два, „какъ недавно поступившіе и несовершеннолѣтніе", высѣчены розгами. 19 января 1825 г. безпорядки въ академіи были настолько велики, что президентъ академіи считалъ себя вынужденнымъ ходатайствовать о введеніи наказанія розгами въ число исправительныхъ мѣръ для всѣхъ студентовъ, но не получилъ на это согласія министра.

Въ 1833—1838 г.г. въ академіи учился студентъ *Сочинскій*. Иванъ Сочинскій въ 1828 г. поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ уланскій полкъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ Волынской губерніи. Впослѣдствіи, служа младшимъ аптекарскимъ ученикомъ въ С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, Сочинскій въ 1833 году былъ перемѣщенъ въ число казенныхъ по фармацевтической части студентовъ Императорской медико-хирургической академіи. При бывшемъ въ 1838 году экзаменѣ Сочинскій оставленъ конференціею въ III классѣ за слабые успѣхи по математико-физикѣ и за посредственные успѣхи въ прочихъ предметахъ. 3 августа 1838 г. ученый секретарь медико-хирургической академіи проф. *Нечаевъ* донесъ конференціи академіи, что Сочинскій приходилъ къ нему объясняться по поводу плохой отмѣтки: „хотя въ это время Сочинскій и былъ въ трезвомъ состояніи, но видно было, по словамъ Нечаева, что онъ находился въ сильномъ волненіи". Въ результатѣ объясненія Сочинскій потребовалъ указать, кому онъ можетъ жаловаться на Нечаева, требовалъ, чтобы Нечаевъ выслалъ изъ комнаты деньщика, присутствовавшаго при объясненіи, и когда профессоръ, вышедши въ сосѣднюю комнату, заперъ дверь ключемъ, Сочинскій закричалъ: „Это подлость"! По донесенію проф. Нечаева, конференція положила: „Исключить Сочинскаго вовсе изъ академіи, обративъ его въ прежнее званіе, съ опредѣленіемъ на службу внѣ Петербургской губерніи". Это опредѣленіе было утверж-

дено Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 сентября. Затѣмъ конференція донесла тому же Министру о слѣдующемъ событіи:

„Иванъ Сочинскій вошелъ 10 сентября въ половинѣ 2-го часа въ полное собраніе конференціи и, подошедши къ столу проф. Нечаева, замахнулся на него перочиннымъ ножемъ, произнеся слѣдующія слова: „Варваръ! Ты обреченная жертва"! Нечаевъ стуломъ защищался отъ его нападенія, а сидѣвшій подлѣ него проф. *Калинскій*, желая удержать Сочинскаго, схватилъ его за руку, но Сочинскій, обративъ свой ножъ на Калинскаго, ранилъ его въ животъ съ лѣвой стороны. Вслѣдствіе сего тотчасъ призванные архиваріусъ *Симоновичъ*, швейцаръ *Сухомутовъ* и унтеръофицеръ *Токаревъ* старались схватить Сочинскаго; но онъ, отбиваясь отъ нихъ, ранилъ швейцара въ грудь, а Токарева въ животъ. Наконецъ, съ помощью пришедшихъ еще служителей Сочинскій былъ схваченъ и, по отнятіи у него ножа, раздѣтъ и связанъ, при чемъ многократно произносилъ ругательства, преимущественно на ученаго секретаря Нечаева и инспектора Петрова. Рана проф. Калинскаго по изслѣдованію оказалась проникающей въ брюшную полость, что и навело на нѣкоторое сомнѣніе, не повреждена ли какая-либо внутренность. Рана Сухомутову нанесена въ грудь противъ хряща седьмого ребра, въ глубину простирается на дюймъ, но въ самую грудь не проницаетъ. Рана унтеръофицера Токарева оказалась поверхностною [1]).

Сочинскій наказанъ шпицрутенами.

Вслѣдствіе описаннаго событія 27 ноября 1838 г. и состоялся указъ о подчиненіи Петербургской медико-хирургической академіи военному министерству по департаменту военныхъ поселеній.

Это не спасло, однако же, академію отъ волненій и безпорядковъ, которые особенно усилились, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Академія же дала намъ такихъ великихъ артистовъ революціи, какъ Земфиръ Ралли-Арборе, Федоръ и Валентинъ Покровскіе, М. Коринфскій, Дмитрій Урсати, Бибергаль, Гервасій, Гуровичъ, Голотупенко, Мирскаго, Кибальчичъ и др.

---

[1]) Ibid.

Въ какихъ же преступныхъ организаціяхъ и преступленіяхъ они участвовали? Читатель увидитъ это ниже.

Въ концѣ 1868 г. студенты С.-Петербургскаго университета и другихъ учебныхъ заведеній, составили нѣсколько кружковъ самообразованія, гдѣ читался „Колоколъ“ Герцена, и другія запрещенныя изданія, а также обсуждались вопросы о русскихъ порядкахъ и народныхъ нуждахъ. Особенною извѣстностью пользовался кружокъ, состоявшій изъ *Земфира Ралли-Арборе Федора и Валентина Покровскихъ, М. Коринфскаго и Дмитрія Урсати.* Все это были студенты медико-хирургической академіи. Они занимали квартиру, состоявшую изъ трехъ маленькихъ комнатъ, на набережной Петербургской стороны, у домика Петра Великаго, въ домѣ Степанова. Въ томъ же домѣ, среди многочисленныхъ жильцовъ, находилась старушка—чиновница, съ пятнадцатилѣтнею дочерью, барышней подросткомъ *Вѣрою Засуличъ*; тамъ же квартировали двѣ артели рабочихъ, среди которыхъ студенты медики пользовались большою популярностью, такъ какъ они оказывали имъ медицинскую помощь, давали читать книжки и писали письма на родину.

Въ квартирѣ Ралли бывали чуть-ли не всѣ студенты академіи изъ семинаристовъ, студенты университета, технологическаго и инженернаго институтовъ, да три—четыре кадета морского корпуса. Одинъ изъ студентовъ академіи *Евлампій Аметистовъ*, ввелъ въ эту компанію *Сергѣя Нечаева*, учителя Сергѣевскаго приходскаго училища. Онъ сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ жизни студенческаго кружка и впослѣдствіи изъ него вышелъ самый отчаянный революціонеръ. Нечаевъ съ жадностью выслушивалъ разсказы Ралли про „каракозовцевъ“, съ которыми онъ былъ знакомъ въ бытность свою студентомъ Московскаго университета въ 1865—1866 г.г., и предложилъ студентамъ для собраній свою квартиру, находившуюся при Сергѣевскомъ училищѣ.

Спустя нѣкоторое время, уже въ январѣ 1869 г., въ С.-Петербургѣ произошли волненія среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эти волненія продолжались въ февралѣ и мартѣ, и 15 марта 1869 года медико-хирургическую академію пришлось закрыть, при чемъ 28 студентовъ академіи были высланы изъ С.-Петербурга административнымъ порядкомъ въ разныя мѣста Россіи подъ надзоръ полиціи.

Желанія молодежи были формулированы ею слѣдующимъ образомъ:

„Мы, студенты медицинской академіи, университета, технологическаго института и земледѣльческой академіи желаемъ:

1. Чтобы намъ предоставлено было право имѣть свою кассу, т. е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

2. Чтобы намъ было предоставлено право совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

3. Чтобы съ насъ снята была унизительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы аппелируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло—его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкѣ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ академіяхъ и университетахъ. 20 марта 1869 года“.

Когда начались волненія и студенческія сходки, занятія кружка Ралли и Аметистова прекратились, но Нечаевъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ и даже посѣщалъ сходки, происходившія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

6 декабря 1876 г., въ понедѣльникъ, Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися, среди которыхъ обращала на себя вниманіе группа учащейся молодежи, державшейся вполнѣ непринужденно, шептавшейся, переходившей съ мѣста на мѣсто и т. д.

Послѣ молебна церковь значительно опустѣла, такъ какъ публика начала выходить понемногу по окончаніи литургіи, и въ храмѣ оставалась почти только одна молодежь, въ количествѣ до 150 человѣкъ. Городовой *Есипенко*, находившійся въ соборѣ, подозрѣвалъ, что затѣвается какой-то

---

[1]) В. Ф. Цѣховскій. Сергѣй Геннадіевичъ Нечаевъ С.-Петербургъ. 1907 г.

безпорядокъ, и даже рѣшилъ отправиться съ докладомъ по этому поводу къ приставу, но толпа, хлынувшая къ выходу скученною массою, оттѣснила его отъ двери. Есипенко могъ выбраться изъ собора только вслѣдъ за толпой, послѣ чего побѣжалъ дать знать о происходившемъ въ 1-й участокъ Казанской части.

Между тѣмъ толпа вышла на площадь передъ соборомъ. Какой-то молодой человѣкъ, высокаго роста, блондинъ, сталъ говорить рѣчь о бѣдственномъ положеніи народа, у котораго, для взысканія податей, продаютъ послѣднюю корову, о гнетѣ и несправедливости правительства, о ссылкѣ лучшихъ русскихъ людей, каковы *Долгушинъ*, *Нечаевъ*, *Чернышевскій* и др. Рѣчь была покрыта аплодисментами и криками:

— Браво! Браво!..

Одновременно кто-то выбросилъ красный флагъ съ надписью „Земля и Воля", но такъ какъ флагъ былъ не на древкѣ, то молодые люди поднимали и подбрасывали небольшого роста парня въ полушубкѣ, который взлетая на воздухъ, держалъ его развернутымъ въ обоихъ рукахъ. Все это сопровождалось криками „ура!" и бросаніемъ шапокъ на воздухъ.

Прибывшій въ это время на площадь чиновникъ полиціи *Васильевъ* бросился прямо въ толпу и хотѣлъ схватить флагъ, но былъ сбитъ сильнымъ ударомъ въ голову и упалъ на землю, гдѣ его звѣрски топтали ногами. Такой же пріемъ встрѣтилъ и околоточный надзиратель *Успенскій*, бросившійся на помощь Васильеву. Толпа съ криками: „Братцы, плотнѣе!.. Не расходитесь!.. Кто подойдетъ, тотъ уйдетъ безъ головы!" двинулась впередъ по направленію къ памятнику Кутузова. Во главѣ толпы шла молодая женщина съ распустившимися косами и кричавшая:

— Впередъ! За мною!..

Толпа прослѣдовала до угла Невскаго и Казанской площади, гдѣ разсѣялась. Городовые, подъ руководствомъ нѣсколько оправившихся послѣ побоевъ Успенскаго и Васильева, при участіи публики, стали задерживать руководителей демонстраціи, которые съ своей стороны отбивались изо всѣхъ силъ. Многіе городовые и ихъ помощники изъ публики были избиты; на многихъ изорвано платье.

Изъ числа молодыхъ людей, сопротивлявшихся особенно упорно, обратилъ на себя вниманіе *Боголюбовъ*, дравшійся и на площади, и по дорогѣ въ участокъ. Онъ не хотѣлъ позволить въ участкѣ обыскать себя, и когда его хотѣли обыскать силою, онъ выхватилъ висѣвшій у него на тесьмѣ подъ платьемъ заряженный револьверъ, взвелъ курокъ и направилъ дуло въ упоръ на сторожа *Клибика*, но тотъ успѣлъ отвести револьверъ въ сторону и вырвать барабанъ съ патронами, разсыпавшимися по полу. Спущеннымъ Боголюбовымъ куркомъ прищемило Клибику палецъ, и этому онъ былъ обязанъ жизнью: палецъ, разсѣченный и прижатый къ патрону, предотвратилъ выстрѣлъ.

Въ участкѣ, между дверями, былъ найденъ другой карманный заряженный револьверъ, брошенный, очевидно, кѣмъ то изъ задержанныхъ. На Малой Конюшенной былъ найденъ чугунный наручникъ, брошенный, очевидно, тоже однимъ изъ участниковъ демонстраціи.

Одинъ свидѣтель происшествія на Казанской площади, нѣкій *Абрамовъ*, замѣтилъ, что парень въ полушубкѣ, котораго толпа поднимала со знаменемъ въ рукахъ, когда началась свалка, ретировался и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей, направился на Большую Садовую, гдѣ разстался съ своими товарищами. Они направились дальше по Садовой, парень же въ нагольномъ полушубкѣ пошелъ спокойно по направленію къ Публичной Библіотекѣ. Тутъ Абрамовъ, при содѣйствіи городового, задержалъ его и отправилъ въ полицію, а оттуда въ жандармское управленіе, гдѣ, при обыскѣ, въ карманѣ молодого человѣка былъ найденъ красный кумачевый флагъ съ вышитыми на немъ бѣлыми шелковыми шнурами словами: „Земля и Воля". При доставкѣ въ жандармское управленіе, задержанный кричалъ:

— Да здравствуетъ свобода!

Парень оказался крестьяниномъ Тверской губерніи, *Яковомъ Потаповымъ*. Что же касается дѣвушки, шедшей впереди процессіи и кричавшей: „Впередъ!... За мною!" то ею оказалась готовившаяся къ поступленію на женскіе медицинскіе курсы *Фелиція Шефтель*.

Во время обыска у одного изъ задержанныхъ, студента медико-хирургической академіи Александра *Бибергаля*, было найдено между бумагами стихотвореніе явно возмутитель-

наго содержанія. Кто произнесъ рѣчь на Казанской площади, тогда осталось невыясненнымъ, но теперь извѣстно, что это былъ *Плехановъ*. Кромѣ Бибергаля, къ отвѣтственности за политическія преступленія были еще привлечены студенты медико-хирургической академіи—*Иванъ Гервасій* и *Яковъ Гуровичъ*. Бирбергаль, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, Гервасій—на 10 и Гуровичъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе [1]).

Въ ночь съ 24 на 25 мая 1878 года въ Кіевѣ на жандармскаго капитана бар. Гейкинга, возвращавшагося къ себѣ пѣшкомъ съ однимъ изъ своихъ друзей, напалъ неизвѣстный человѣкъ и тяжело ранилъ его въ нижнюю часть спины, близъ спинного хребта, холоднымъ оружіемъ—стилетомъ или кинжаломъ. Раненый не сознавалъ въ первую минуту ни серьезности раны, ни даже покушенія, жертвой котораго онъ сталъ. Гейкингъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и этимъ далъ время преступнику скрыться. Почувствовавъ скоро, что онъ тяжело раненъ, баронъ нашелъ еще достаточно силъ, чтобы дать свистокъ. Прохожіе прибѣжали на помощь и преслѣдовали злодѣя, который быстро убѣжалъ. Молодой крестьянинъ, 17-лѣтъ, первый догналъ его и схватилъ лѣвой рукой, но преступникъ произвелъ въ него выстрѣлъ, которымъ, впрочемъ, не ранилъ. Рабочій каменщикъ Виленскій, услыхавъ вдали шумъ и видя, что преслѣдуютъ преступника, успѣлъ схватить послѣдняго, но получилъ сейчасъ же въ грудь пулю, отъ которой умеръ на другой день. Въ это время на убійцу бросился полицейскій и получилъ двѣ пули: въ правую руку и лѣвую ногу. Всѣ усилія поймать бѣглеца, сдѣланныя другими лицами, бывшими въ то время на улицѣ, не привели ни къ чему, и злодѣй, пользуясь темнотой ночи, скрылся и избѣжалъ преслѣдованій. Четыре дня спустя, 29 мая, баронъ Гейкингъ умеръ отъ полученной имъ раны. Прокламація, снабженная печатью „исполнительнаго комитета революціонной русской партіи", появилась 2 іюня и была расклеена на стѣнахъ; она объявляла о смерти Гейкинга, а также объ удачномъ побѣгѣ трехъ арестованныхъ соціалистовъ—*Дейча, Стефано-*

[1]) „Историческая библіотека", подъ редакціей Проппера. Демонстрація на Казанской площади. С.-Петербургъ. 1907 г.

вича и *Бохановскаго* изъ Кіевской тюрьмы. Составители этого извѣщенія выражали въ то же время сожалѣніе по поводу смерти рабочаго Виленскаго, но оправдывали этотъ фактъ необходимостью самообороны. Прокламаціи были разосланы и расклеены во многихъ городахъ южной Россіи. Виновникъ преступленія остался неизвѣстнымъ, несмотря на всѣ поиски. По показанію извѣстнаго революціонера *Гольденберга*, выдавшаго впослѣдствіи, при арестѣ, многихъ своихъ товарищей, убійство бар. Гейкинга было дѣломъ соціалиста Голотупенко, студента С.-Петербургской медицинской академіи, 22 лѣтъ, очень ничтожнаго и слабаго [1]).

Въ 1878 г. на югѣ Россіи, въ Ростовѣ-на-Дону, коммерческомъ и промышленномъ городѣ, заселенномъ многочисленнымъ классомъ рабочихъ, соціалисты старались организовать среди рабочихъ тайное общество съ цѣлью пропаганды революціонныхъ идей. Организаторы, впрочемъ, не могли утѣшать себя большимъ успѣхомъ, потому что число адептовъ увеличивалось очень медленно; кромѣ того въ числѣ послѣдователей было много людей, очень мало убѣжденныхъ; нѣкоторые изъ нихъ сообщили даже властямъ самыя точныя объясненія относительно организаціи общества и замысловъ его основателей. Такъ, нѣкто *Акимъ Никоновъ* въ особенности далъ весьма точныя показанія и наиболѣе полное признаніе. Началось разслѣдованіе; но такъ какъ было невозможно открыть имена главныхъ виновниковъ и удостовѣриться въ личности соціалистовъ, основателей этого кружка, которые самимъ рабочимъ были извѣстны подъ болѣе или менѣе неясными псевдонимами, то дѣло закончилось административными мѣрами, примѣненными къ крамольникамъ, захваченнымъ на мѣстѣ дѣйствія, и все кончилось только административною ссылкой. Но Акимъ Никоновъ не могъ избѣжать мести анархистовъ. Вечеромъ 1-го февраля 1878 г., когда онъ сидѣлъ съ своимъ другомъ въ пивной лавкѣ, туда вошли двое изъ руководителей тайнаго общества, которые были извѣстны подъ псевдонимами Ивана Петровича и Генриха Карповича. Около 11 часовъ всѣ четверо вышли вмѣстѣ. Когда они проходили по Сѣнной улицѣ, по сигналу одного изъ двухъ соціалистовъ, изъ темноты

[1]) Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи. Москва. 1906 года.

вынырнули шесть человѣкъ, которые произвели рядъ выстрѣловъ въ Никонова и нанесли ему пять ранъ. Онъ упалъ, обливаясь кровью; патруль подобралъ его и нашелъ возлѣ него записку, на которой было написано слѣдующее: „Шпіонъ Акимъ Никоновъ убитъ за доносы на соціалистовъ". 17-го февраля Никоновъ умеръ отъ ранъ.

Анархисты очень громко возвѣстили о своемъ жестокомъ актѣ въ прокламаціи, подъ заглавіемъ „Убійство шпіона", которая была распространена вездѣ и особенно фигурировала на стѣнахъ библіотеки С.-Петербургской медико-хирургической академіи, студенты которой продолжали упорно вести соціалъ-революціонную пропаганду [1]).

Успѣшность террористическихъ дѣйствій, равно какъ и безнаказанность главныхъ виновниковъ, мало-по-малу фанатизировала приверженцевъ анархизма и побуждала ихъ все больше къ новымъ „подвигамъ", въ расчетѣ на благопріятные случаи, которые такъ хорошо послужили имъ во время покушеній на Никонова, барона Гейкинга и др.

15 сентября 1878 г. постъ шефа жандармовъ былъ порученъ генералъ-адъютанту *Дрентельну*. Въ анархическихъ кружкахъ не заставили себя долго ждать съ покушеніемъ и на этого сановника. Анархисты старались доказать правительству, что они въ состояніи уничтожить всякаго, занимающаго должность, нераздѣльно связанную съ „третьимъ отдѣленіемъ",—иначе говоря, ту, которая имѣла своимъ спеціальнымъ назначеніемъ борьбу съ дѣятельностью и ученіемъ соціалистовъ. Мысль эта окончательно созрѣла въ головѣ одного юнаго, девятнадцатилѣтняго, анархиста, и онъ рѣшился привести ее въ исполненіе среди бѣлаго дня, такъ же, какъ это было при покушеніи на Мезенцева [2]). Въ теченіе послѣднихъ недѣль, предшествовавшихъ этому злодѣянію, шефъ жандармовъ получалъ даже предостереженія со стороны соціалистовъ, напечатанныя въ ихъ органѣ „Земля и Воля".

13 марта 1879 г., въ часъ по-полудни, генералъ Дрентельнъ ѣхалъ въ каретѣ съ набережной Фонтанки въ Коми-

---

[1]) Ibid.

[2]) 14 августа 1878 г.

тетъ Министровъ, находившійся на Дворцовой набережной; въ тотъ моментъ, когда онъ довольно быстро проѣзжалъ вдоль канала, параллельно Марсову полю, молодой человѣкъ, скакавшій на лошади во всю прыть, опередилъ карету и произвелъ выстрѣлъ внутрь экипажа; выстрѣлъ миновалъ генерала: пуля разбила только стекло и застряла въ деревянномъ кузовѣ кареты. Кучеръ направилъ экипажъ въ погоню за всадникомъ, но скоро потерялъ его изъ вида. На углу Воскресенскаго проспекта и Захарьевской улицы лошадь, на которой скакалъ молодой человѣкъ, отъ сильной скачки упала, и онъ, вышибленный изъ сѣдла, продолжалъ путь на пролеткѣ. Онъ остановился на той же улицѣ у дома № 3 и, заплативши извозчику, вошелъ въ табачный магазинъ, помѣщавшійся въ томъ же домѣ, купилъ коробку папиросъ, послѣ чего отправился пѣшкомъ по направленію къ саду Таврическаго дворца. Оставленная злоумышленникомъ верховая лошадь была чистокровная англійская кобыла, подъ кличкой „Лэди", купленная 3 марта неизвѣстнымъ въ манежѣ Штрассе, на Моховой, за 300 рублей. Покупатель условился съ владѣльцемъ, что лошадь останется у послѣдняго до 3 апрѣля, и приходилъ всякій день, чтобы сдѣлать прогулку по улицамъ; но 13 марта этотъ неизвѣстный, сѣвши на лошадь, больше не возвращался. Свидѣтели, которые видѣли этого юношу въ день покушенія, такъ же, какъ и конюхи манежа, узнали его по фотографіи, которую имъ показали; это былъ студентъ медико-хирургической академіи *Левъ Мирскій*, незадолго выпущенный на поруки изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ политическомъ преступленіи. Прокламація, послѣдовавшая за покушеніемъ, свидѣтельствовала о большомъ разочарованіи въ его исходѣ, и тонъ ея былъ очень сдержанъ. Прокламація эта заявляла, что генералъ Дрентельнъ достоинъ смерти „въ силу одного того факта, что онъ исполнялъ при настоящихъ обстоятельствахъ обязанности шефа жандармовъ". Ссылки административнымъ путемъ такъ же были вмѣнены ему въ вину, какъ и то, что онъ подавилъ безпорядки въ государственныхъ тюрьмахъ. „Рано или поздно онъ не спасется отъ исполнительнаго комитета; приговоръ надъ нимъ уже произнесенъ"; такъ заканчивался этотъ возмутительный документъ.

Самое точное и подробное разслѣдованіе по поводу этого новаго покушенія было поручено жандармскому генералу *Комарову*, но на первыхъ порахъ не удалось открыть слѣды преступника. 6 іюня онъ былъ арестованъ въ Таганрогѣ, подъ псевдонимомъ Александра Плетнева, благодаря показанію, данному артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ *Щетининымъ*. Во время ареста Мирскій сдѣлалъ три выстрѣла, которые, впрочемъ, не причинили никому вреда. При производствѣ у него домашняго обыска, найдено было много фальшивыхъ паспортовъ и собственноручное его письмо къ отцу, написанное по польски и ложно помѣченное Швейцаріей. Въ письмѣ онъ увѣдомлялъ, что послѣ освобожденія своего изъ крѣпости онъ примкнулъ къ анархическому движенію и произвелъ покушеніе на шефа жандармовъ. 13-го іюля обвиняемый назвалъ свою настоящую фамилію и былъ отправленъ въ С.-Петербургъ.

Левъ Мирскій—сынъ одного изъ представителей мелкаго польскаго дворянства, Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, католикъ, родился въ 1858 г. Учился онъ въ Кіевской и Одесской гимназіяхъ и потомъ въ 1877 г. поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Изъ Кіева въ С.-Петербургъ сопровождала его, подъ видомъ невѣсты, дѣвица *Елена Костельманнъ*, еврейка.

Во время одного изъ пріѣздовъ Мирскаго въ свою семью были обнаружены съ его стороны пропагандитскія дѣйствія. На этомъ основаніи былъ произведенъ у него въ квартирѣ въ С.-Петербургѣ обыскъ, при чемъ найдены были революціонные документы. Это послужило основаніемъ для заключенія Мирскаго въ тюрьму, сначала Кіевскую, въ стѣнахъ которой онъ совершилъ нѣсколько мятежныхъ поступковъ, а потомъ въ С.-Петербургъ, въ крѣпость. Въ январѣ 1879 г. онъ былъ, однако, освобожденъ за поручительствомъ адвоката *Утина* и поселился у нѣкоего *Григорія Левинсона*, секретаря центральнаго земельнаго банка; на попеченіи этого же Левинсона находилась Елена Костельманнъ.

Послѣ покушенія Мирскій нѣкоторое время скрывался въ квартирѣ Звенигородскаго мѣщанина *Беклемишева*, а затѣмъ, съ фальшивымъ паспортомъ на имя какого-то Ѳедотова, отправился въ Валдайскій уѣздъ, Новгородской гу-

берніи, въ имѣніе судебнаго пристава С.-Петербургскаго окружнаго суда *Сѣменскаго*, гдѣ устроился въ качествѣ воспитателя его сына. Въ концѣ апрѣля онъ внезапно покинулъ это мѣсто, узнавши о начатыхъ преслѣдованіяхъ, и направился въ Таганрогъ, подъ именемъ Александра Плетнева. Тамъ онъ свелъ знакомство съ артиллерійскимъ прапорщикомъ батареи, расположенной въ этомъ городѣ, *Георгіемъ Тархановымъ*, и, въ то же время, съ унтеръ-офицеромъ *Щетининымъ*, состоявшимъ подъ командою этого прапорщика. Присутствовавшій при всѣхъ ихъ бесѣдахъ, рѣшившійся принять ихъ совѣты и готовый послѣдовать за этими соблазнителями въ революціонный водоворотъ, Щетининъ во время одумался и донесъ на этихъ двухъ лицъ жандармскому офицеру. Въ видѣ объясненія мотивовъ преступленія, Мирскій приводилъ, что онъ нисколько не руководился чувствомъ мести къ шефу жандармовъ, но видѣлъ въ немъ могущественную силу, которая въ высшей степени препятствовала интересамъ революціонной партіи. Онъ хотѣлъ открыто протестовать противъ этой силы террористической мѣрой и началъ вырабатывать планъ покушенія по указаніямъ и при помощи одного анархиста, котораго зналъ только подъ именемъ „Ѳедора Иванова“,—псевдонимъ, котораго, впрочемъ, невозможно было раскрыть. Этотъ „Ивановъ“ доставилъ ему 500 рублей на покупку лошади и револьвера; онъ далъ ему патроновъ и нѣкоторую сумму для облегченія бѣгства изъ С.-Петербурга. Послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ дней Мирскій наблюдалъ выѣзды генерала Дрентельна и 13 марта, рѣшившись сдѣлать покушеніе, онъ отправился верхомъ на Марсово поле и спрятался за бараками ярмарочныхъ театровъ, которые стояли тамъ съ масляницы. Послѣ паденія съ лошади, онъ сѣлъ въ пролетку на Литейномъ и отправился въ Публичную Библіотеку, гдѣ его поджидалъ вышеупомянутый „Ивановъ“, и откуда они вышли вмѣстѣ только вечеромъ. Лицо это, по его мнѣнію, должно было принимать участіе въ исполнительномъ комитетѣ и въ редакціи „Земля и Воля“—кружки, куда самъ Мирскій не былъ допущенъ непосредственно.

Дѣло это разбиралось С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ съ 15 по 17 ноября того же года. Обвиняемыхъ было

восемь человѣкъ: Мирскій и Тарховъ, какъ главные преступники, *Ипполитъ Головинъ*, *Евгеній Беклемишевъ*, *Александра Сѣменская*, студентъ *Николай Верещагинъ*, *Григорій Левинсонъ* и бывшій адвокатъ *Ольхинъ*, сосланный уже въ Вологду, но привлеченный для показаній по этому дѣлу, въ качествѣ участника покушенія: они обвинялись въ пособничествѣ къ бѣгству и укрывательствѣ Мирскаго послѣ преступленія.

Въ своемъ послѣднемъ словѣ на судѣ обвиняемый сказалъ, что партія, къ которой онъ принадлежитъ, не ставитъ себѣ цѣлью ниспроверженіе государственнаго строя въ Россіи. Эта партія ставитъ на первый планъ разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ и готова признать всякую политическую форму, разъ только она была бы одобрена народнымъ голосованіемъ. Онъ протестовалъ противъ обвиненія, будто бы онъ дѣйствовалъ изъ засады; онъ доказывалъ, что его не могутъ обвинять въ убійствѣ, такъ какъ, стрѣляя на всемъ скаку, онъ былъ увѣренъ въ неудачѣ. Что касается вооруженнаго сопротивленія, то въ данномъ случаѣ имъ просто руководило инстинктивное чувство личной защиты и, съ другой стороны, правила ихъ общества не допускаютъ сдаваться безъ сопротивленія. Военный судъ осудилъ только Мирскаго и Тархова: перваго приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, второго—къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ. Принимая во вниманіе молодость подсудимыхъ, недостигшихъ еще совершеннолѣтія, и искреннее раскаяніе ихъ, временный С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ Гурко смягчилъ имъ наказаніе: безсрочныя каторжныя работы—Мирскому и десятилѣтняя каторга—прапорщику Тархову. Остальные обвиняемые были оправданы, но въ видахъ общественной безопасности нѣкоторые изъ нихъ были отданы подъ надзоръ полиціи и высланы изъ столицы [1]).

Террористическія предпріятія получали все большее и большее развитіе, но каждое изъ нихъ требовало расходовъ, средствъ, денегъ, которыми далеко не обладали пролетаріи соціалистической партіи; „нерва войны“, крайне необходимаго для веденія подпольной революціонной борьбы, у нихъ вовсе не было; сами же они влачили большею частью жал-

[1]) Ibid.

кое существованіе. Покушеніе на шефовъ жандармовъ—Мезенцева и Дрентельна, а также другія террористическія дѣйствія требовали не малыхъ средствъ, которыя заговорщикамъ такъ или иначе удавалось доставать; но въ то время, какъ вожделѣнія вожаковъ революціоннаго движенія росли съ каждымъ днемъ, будущность ихъ дѣла не имѣла гарантіи; поэтому они рѣшили сдѣлать изъ ряда выходящую попытку, которая могла бы обезпечить успѣхъ ихъ будущихъ предпріятій, а равно помочь въ ихъ собственныхъ личныхъ нуждахъ. Попытка эта имѣла мѣсто на югѣ, гдѣ было много смѣлыхъ и одаренныхъ духомъ изобрѣтательности террористовъ.

4 іюня 1879 г., въ 9 часовъ утра, казначей Херсонскаго казначейства, открывши кладовую, съ перваго же взгляда обнаружилъ кражу золота, принадлежавшаго мѣстному отдѣленію государственнаго банка, на весьма значительную сумму—въ 1.579.638 рублей, и пачки паспортныхъ бланковъ. Преступнику удалось достигнуть этого посредствомъ подкопа, который велся изъ сосѣдняго дома на пространствѣ 15 саженъ и на пятиаршинной глубинѣ. Смѣлая работа подкопа велась, повидимому, очень опытнымъ лицомъ, по всѣмъ правиламъ науки. Свѣжая земля, выбранная при работѣ, была сложена въ комнатахъ и на чердакѣ жильцами этого дома, которые наканунѣ уже исчезли. Они занимали, впрочемъ, эту квартиру только двѣ недѣли: это были двое молодыхъ людей, мужчина и женщина, съ прислугой и ребенкомъ. Взломъ кладовой былъ произведенъ съ субботы на воскресенье и былъ обнаруженъ только въ понедѣльникъ.

Слѣдствіе констатировало, что особа, называвшая себя женой доктора Никитина, сняла флигель сосѣдняго дома, гдѣ поселилась вмѣстѣ съ горничной, по имени „Сонька" и кухаркой—„Машкой". Вскорѣ появились другіе два субъекта, которые поселились у нея: одинъ, якобы, каменьщикъ, чтобы поправить штукатурку въ квартирѣ, и другой, котораго называли „Сашкой". Бѣгство этихъ преступниковъ произошло безпрепятственно: два большихъ мѣшка были набиты бумажными деньгами и перевезены неизвѣстнымъ извозчикомъ на рыночную площадь, а оттуда были увезены за городъ на запряженной волами телѣгѣ, въ которой си-

дѣли мужчина и женщина. Преслѣдованіе, организованное по всѣмъ направленіямъ, привело администрацію къ поселку Чернобаеву, въ семи верстахъ отъ Херсона, къ дому хлѣбопашца Щербаченка, разводившаго дыни и огурцы. Въ шалашѣ сторожа этихъ баштановъ нашли преступниковъ и при нихъ сумму въ 1.066.000 рублей. Мнимая Никитина оказалась Еленой Россиковой, а ея компаньонъ—Одесскимъ мѣщаниномъ Яковомъ Погорѣловымъ—работникомъ, прорывшимъ подкопъ. Остальныя деньги были увезены „Сашкой-инженеромъ" въ уѣздный городъ Алешки, гдѣ его не успѣли захватить, такъ какъ преслѣдователи опоздали на нѣсколько часовъ, но 19-го іюня нашли зарытыми во дворѣ дома, гдѣ жилъ „Сашка", 481.582 рубля, а 4 августа во дворѣ дома Щербаченка—еще 15.188 р. Такимъ образомъ, были возвращены въ казначейство 1.562.700 рублей, и потеря свелась только къ 16.868 рублямъ. Главными обвиняемыми въ этомъ дѣлѣ были: *Елена Россикова*, урожденная *Виттенъ*, сестра Вѣры Витгенъ, осужденной въ процессѣ Ковальскаго въ Кіевѣ въ 1878 году, и „Сашки-инженера"—псевдонимъ соціалиста *Ѳедора Юрковскаго*. Россикова, 32 лѣтъ, занимала весьма почтенное общественное положеніе и имѣла извѣстные связи; будучи женой преподавателя и сама имѣя дипломъ наставницы, она содержала нѣкоторое время пансіонъ въ Херсонѣ, а позже фигурировала, въ качествѣ сестры милосердія, въ Одессѣ, во время войны; тѣмъ не менѣе она присоединилась къ соціалистической партіи и занялась пропагандой въ Херсонской губерніи. Около этого времени она отдалась проекту грандіознаго похищенія денегъ изъ какого нибудь казначейства на пользу революціонной партіи, будто бы въ цѣляхъ помощи политическимъ, находившимся въ Сибири, и заручилась участіемъ простого одесскаго мѣщанина *Якова Погорѣлова*, который жилъ у нея въ качествѣ каменьщика и который поддался соблазну только благодаря приманкѣ наживы.

Компаньонъ Елены Россиковой въ ея дерзкой затѣѣ Ѳедоръ Юрковскій, 26 лѣтъ, былъ сыномъ флотскаго капитана, учился въ гимназіи, въ морскомъ корпусѣ, въ технологическомъ институтѣ и, наконецъ, въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Войдя въ послѣдней въ ряды соціалистовъ, онъ принялъ участіе въ пропагандѣ

1873—1875 годовъ, былъ арестованъ въ маѣ 1879 года за пропаганду въ Кишиневѣ, но его скоро освободили. Онъ уже давно носился съ мыслью осуществить чрезвычайно смѣлое дѣло и совѣтовался съ извѣстнымъ *Стефановичемъ* во время пребыванія послѣдняго въ С.-Петербургѣ о способахъ устроить подкопъ подъ Зимній Дворецъ; пока же ему удалось довести до удачнаго конца подкопъ подъ Херсонское казначейство, и онъ, именно, съ Погорѣловымъ взломалъ желѣзные сундуки и похитилъ деньги. Послѣ бѣгства Юрковскаго, его удалось схватить случайно, при обстоятельствахъ дѣйствительно трагическихъ. Въ первыхъ числахъ марта 1880 года Кіевская жандармерія, производя разслѣдованіе относительно соціалиста *Диковскаго*, который иногда переодѣвался артиллерійскимъ офицеромъ, явилась для обыска къ отставному капитану Михаилу Стаховскому, который снабдилъ Диковскаго военной формой и жилъ съ своимъ отцомъ въ деревнѣ Козловкѣ, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи. Жандармскій офицеръ нашелъ сына Стаховскаго умирающимъ, такъ какъ въ ночь съ 6 на 7 марта онъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ револьвера, произведеннымъ въ него его собственнымъ отцомъ, который послѣ этого второй выстрѣлъ произвелъ въ самого себя. Среди лицъ, ухаживавшихъ за ранеными, находился молодой человѣкъ, который показался подозрительнымъ и назвалъ себя жандармскимъ офицеромъ— Георгіемъ Головлевымъ, но позднѣе онъ признался, что настоящее его имя Ѳедоръ Юрковскій.

Послѣ ареста Юрковскій былъ привлеченъ къ большому политическому процессу, разбиравшемуся Кіевскимъ военнымъ судомъ въ іюлѣ 1880 года и приговоренъ 21 іюля къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ [1]).

Теперь подходимъ къ самому отвратительному дѣлу нашихъ революціонеровъ, въ которомъ принималъ участіе и игралъ важнѣйшую роль также одинъ изъ питомцевъ медико-хирургической академіи,—убійству Императора Александра II.

Въ воскресенье, 1 марта 1881 г., Его Величество покинулъ около часу по-полудни, по окончаніи обѣдни, Зимній Дворецъ и въ закрытой каретѣ отправился въ манежъ, на

---

[1]) Ibid.

площадь Михайловскаго дворца, гдѣ долженъ былъ произойти смотръ войскамъ. Усаживаясь въ экипажъ Императоръ отдалъ приказаніе своему кучеру, *Фролу Сергѣеву*, какой ѣхать дорогой. Экскортъ, сопровождавшій Императорскій экипажъ, состоялъ изъ казачьяго кубанскаго унтеръ-офицера, по фамиліи Манцева, который сѣлъ на козлы экипажа, и 6 терскихъ казаковъ, скакавшихъ спереди, сзади и по бокамъ кареты.

Императоръ остался очень доволенъ смотромъ, на которомъ присутствовалъ, и былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. По выходѣ изъ манежа, около 3/4 второго, Императоръ, припомнивъ, что его августѣйшій братъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, предложилъ отправиться къ великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, попросилъ его занять мѣсто рядомъ съ собою въ каретѣ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Михайловскій Дворецъ. Пробывъ полчаса у великой княгини и принявъ участіе въ завтракѣ, Императоръ одинъ покинулъ дворецъ, сказавъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ прежней дорогой. Карета поѣхала по Инженерной улицѣ и потомъ повернула направо, черезъ набережную Екатерининскаго канала. Экскортъ расположился такимъ образомъ, что два казака скакали впереди, а два другихъ скакали каждый у дверецъ экипажа. Позади этого экипажа ѣхалъ въ саняхъ, запряженныхъ парою лошадей, полиціймейстеръ I части города, полковникъ *Дворжицкій*, за нимъ жандармскій капитанъ *Кохъ* вмѣстѣ съ терскимъ казачьимъ капитаномъ, начальникомъ эскадрона, Кулебякинымъ; они ѣхали въ саняхъ, запряженныхъ одной лошадью; казакъ *Манцевъ* снова сѣлъ на козлы рядомъ съ кучеромъ. На набережной Екатерининскаго канала экипажъ пошелъ крупной рысью, такъ что лошади казаковъ должны были взять галопъ. Въ 150 шагахъ отъ поворота угла канала Императоръ обогналъ отрядъ въ 47 человѣкъ 8-го флотскаго экипажа, который возвращался изъ манежа; въ томъ же самомъ мѣстѣ Императоръ пересѣкъ взводъ второй роты военнаго Павловскаго училища, состоявшій изъ 25 юнкеровъ, подъ командой поручика. Взводъ выходилъ на каналъ черезъ Большую Итальянскую. За исключеніемъ дома, принадлежавшаго второму отдѣленію Императорской канцеляріи, и прилегавшихъ къ нему службъ, Екатерининскій каналъ въ этомъ мѣстѣ на разстояніи около

570 шаговъ, представляетъ, вплоть до Таврическаго моста, со стороны слѣдованія Императорскаго кортежа, длинную стѣну вдоль сада Михайловскаго Дворца. Съ противоположной стороны дорога окаймлялась желѣзной рѣшеткой вдоль канала. Движеніе въ этой малонаселенной мѣстности было всегда незначительнымъ, и въ моментъ проѣзда Императора видно было лишь нѣсколько агентовъ полиціи, наблюдавшихъ за мѣстностью, троихъ сторожей изъ Михайловскаго Дворца, подметавшихъ тротуары у сада, и трамвайнаго сторожа, шедшаго по рельсамъ. Четырнадцатилѣтній мальчикъ-мясникъ Максимовъ беззаботно проходилъ черезъ набережную канала. Онъ при помощи корзины съ провизіей отдалъ Государю честь точно такимъ же образомъ, какъ и шедшіе по направленію къ царскому экипажу два преображенскихъ гвардейца; имъ навстрѣчу прошелъ фельдшеръ *Василій Гороховъ*, Павловскаго гвардейскаго полка. За послѣднимъ шелъ молодой человѣкъ маленькаго роста, одѣтый въ „демисезонное пальто“ изъ толстаго драпа; на головѣ у него была шапка изъ выдры; въ рукахъ своихъ онъ несъ какой-то предметъ средней тяжести, завернутый въ салфетку.

Въ 2 часа 30 минутъ карета, проѣхавъ почти 330 шаговъ по набережной Екатерининскаго канала, поравнялась съ этимъ неизвѣстнымъ, который обернулся лицомъ къ экипажу и бросилъ подъ ноги рысаковъ какой-то бѣлый предметъ, похожій на снѣжный комъ. Все это было совершено съ такой быстротой, что казаки эскорта не могли отдать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Въ тотъ же моментъ раздался ужасный взрывъ, напоминавшій залпъ многихъ пушекъ. Два казака, *Малейчевъ и Сагеевъ*, скакавшіе позади экипажа, упали ранеными со своихъ лошадей, а мальчикъ Максимовъ, тяжело раненый, лежалъ на тротуарѣ и болѣзненно стоналъ. Густое облако изъ снѣга и различныхъ обломковъ поднято было страшнымъ взрывомъ, гулъ котораго былъ слышенъ очень далеко. Сотрясеніемъ воздуха разбиты были стекла въ помѣщеніи дворцовой конюшни, расположенной по другой сторонѣ канала, и окна Михайловскаго манежа. Всѣ стекла кареты были разбиты и задняя часть экипажа почти вся разрушена.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ, оставшійся въ Михайловскомъ дворцѣ, когда услышалъ взрывъ, почувство-

валъ, что случилось несчастіе, и немедленно отправился на мѣсто катастрофы. Отрядъ моряковъ и юнкеровъ, шедшій на каналъ черезъ Большую Итальянскую, а также отрядъ инженерный тоже поспѣшили по тому же направленію; за ними послѣдовали и прохожіе: генералъ-адъютантъ *Барановъ*, членъ Государственнаго Совѣта, выходившій въ это время изъ своего помѣщенія; полковникъ *Короченцовъ*, адъютантъ Его Величества; *Радзишевскій*, полковникъ Преображенскаго полка и начальникъ школы подпрапорщиковъ и др.

Бросившій бомбу оказался тихвинскимъ мѣщаниномъ, Новгородской губерніи, Николаемъ *Рысаковымъ*, 19 лѣтъ. Кинувъ снарядъ, онъ бросился бѣжать по направленію къ Невскому проспекту, но въ двадцати шагахъ отъ мѣста взрыва онъ споткнулся и упалъ. Трамвайный сторожъ кр. *Назаровъ* бросился на него; на помощь ему поспѣшили городовой *Несговоровъ*, фельдшеръ *Гороховъ* и солдаты Преображенскаго полка—*Макаровъ и Евтенко*. Въ то же время капитанъ *Кохъ*, а за нимъ и капитанъ *Кулебякинъ*, выпрыгнувъ изъ саней, подошли къ Рысакову.

— Это вы произвели взрывъ?.. спросилъ преступника Кохъ.

— Я, отвѣтилъ Рысаковъ.

Въ карманѣ Рысакова нашли револьверъ, а на его груди кинжалъ, похожій на кинжалы, которые носили большинство „террористовъ". Капитанъ Кохъ обнажилъ саблю для защиты преступника отъ ярости народа, который могъ бы растерзать его. Солдатъ Преображенскаго полка ударилъ Рысакова и закричалъ: „Что ты сдѣлалъ"... На что преступникъ отвѣтилъ: „Вы узнаете послѣ, такъ какъ вы пока еще темные люди".

Императоръ оказался цѣлъ и невредимъ. Онъ приказалъ кучеру остановить лошадей, и самъ, прежде чѣмъ Манцевъ успѣлъ сойти съ мѣста своего, открылъ лѣвую дверцу. Полицмейстеръ Дворжицкій, выскочивъ изъ саней, поспѣшилъ къ экипажу Императора, встрѣтилъ его уже выходящимъ и на вопросъ Государя отвѣтилъ, что преступникъ арестованъ. Дворжицкій просилъ Императора сѣсть въ его сани и отправиться въ Зимній Дворецъ; но Государь выразилъ желаніе видѣть преступника и направился къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился. Государя сопровождали

полковникъ Дворжицкій и унтеръ-офицеръ Манцевъ. Въ это время капитанъ Кулебякинъ, движимый чувствомъ преданности и благоразумія, въ виду собравшейся около преступника толпы, просилъ Императора вернуться въ свой экипажъ. Если бы Его Величество послѣдовалъ этому совѣту, жизнь его была бы спасена; но Императоръ молча продолжалъ свой путь, движимый чувствами гуманности, милосердія и состраданія къ раненымъ, стоны которыхъ были слышны и страданія которыхъ были очевидны.

Отрядъ 8-го флотскаго экипажа, который только что прибылъ къ мѣсту взрыва, немедленно окружилъ Рысакова, а юнкера, находившіеся въ 40 шагахъ отъ моряковъ, при видѣ приближавшагося Императора, выстроились вдоль набережной. Собранная свистками городовыхъ и крикомъ, что на Государя сдѣлано покушеніе, самая разнообразная толпа запрудила мѣстность. Многіе офицеры разныхъ чиновъ присоединились къ лицамъ, слѣдовавшимъ за Императоромъ, который, направляясь вдоль тротуара, былъ уже въ трехъ шагахъ отъ преступника и въ двадцати отъ мѣста взрыва. Преступникъ во время ареста назвалъ себя Глазовымъ; онъ все время держался хладнокровно, смѣло и даже грубо. Когда подпоручикъ *Рудыковскій*, только что прибывшій, спросилъ у присутствовавшихъ: „Что произошло съ Императоромъ? Его Величество, услышавъ эти слова, отвѣтилъ: „Благодаря Богу, я здоровъ и невредимъ, а вотъ“... И жестомъ онъ указалъ на раненыхъ и наклонился къ одному изъ нихъ. Въ это время Рысаковъ съ зловѣщей ироніей сказалъ: „Еще слава ли Богу?“... Приблизившись къ преступнику, Императоръ спросилъ: „этотъ?“... И получивъ утвердительный отвѣтъ, спросилъ Рысакова: „чего ты хочешь отъ меня?“ Во всякомъ случаѣ Императоръ не оставался болѣе полминуты на этомъ мѣстѣ и, повернувшись, немедленно направился къ мѣсту взрыва; полковникъ Дворжицкій шелъ впереди, экскортный казакъ Мацневъ находился справа Императора и капитанъ Кулебякинъ слѣва.

Едва Его Величество сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ неизвѣстный, одѣтый въ зимнее пальто, судя по внѣшности, лѣтъ тридцати, поднялъ руку вверхъ и съ силой бросилъ какой-то бѣлый предметъ къ ногамъ Императора въ тотъ моментъ, когда Его Величество приблизился на разстояніе

$2^{1}/_{2}$ метровъ. Передъ этимъ второй преступникъ стоялъ, прислонившись спиной къ периламъ канала, и никто, кромѣ Павлова и Горохова, не замѣтилъ движенія его рукъ. Въ этотъ моментъ раздался шумъ второго взрыва, столь же оглушительный, какъ и предшествовавшій. Въ воздухѣ поднялся столбъ снѣга, пыли и всякаго рода обломковъ. Императоръ и окружавшіе его упали. Въ теченіе секунды всѣ присутствовавшіе казались оцѣпенѣвшими отъ ужаса. Слышны были только стоны раненыхъ и крикъ: „на помощь!“ и „остановите его въ саду!“.

Когда облако отъ взрыва разсѣялось, то глазамъ присутствовавшихъ представилось такое зрѣлище, ужасающія подробности котораго трудно даже передать. Двадцать лицъ, болѣе или менѣе тяжело раненыхъ, лежало на тротуарѣ и мостовой; нѣкоторые изъ нихъ встали; другіе ползали на рукахъ; иные пытались освободиться изъ подъ лежавшихъ на нихъ раненыхъ. Посреди снѣга, пыли и кровавыхъ лужъ видны были клочки одежды, остатки эполетъ, сабель и даже куски человѣческаго тѣла. Адская сила этого разрушенія не пощадила Государя. Многіе изъ свидѣтелей ужасной катастрофы утверждаютъ, что Императоръ упалъ впередъ правой щекой на снѣгъ; но показанія другихъ лицъ кажутся болѣе правдоподобными. Со словъ послѣднихъ выходитъ, что Его Величество имѣлъ обѣ ноги раздробленными, сидѣлъ на землѣ лицомъ къ Театральному мосту и пытался опереться о землю руками. Его фуражка была разорвана на тысячу кусковъ; отъ его шинели остались только окровавленные и обожженные клочки. Раздробленныя голени были обнажены, и съ нихъ текла ручьемъ кровь; тѣло висѣло клочьями, и на блѣдномъ лицѣ Его Величества были видны слѣды крови и кровоподтеки; онъ съ трудомъ дышалъ. При этомъ видѣ къ Императору устремились не только тѣ, кто оказался здоровымъ и невредимымъ, но даже и раненые. Десятки рукъ потянулись поднять Монарха. Юнкера Павловскаго училища подошли къ мѣсту взрыва и окружили Августѣйшаго мученика.

Въ этотъ моментъ прибылъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Прошло нѣсколько минутъ въ нерѣшительности: нести ли Императора на рукахъ, или перевезти его въ экипажѣ? Видя, что нѣтъ возможности съ удобствомъ

взять Императора, Великій Князь послалъ за санями. Три юнкера бросились за наемнымъ экипажемъ, который находился по близости; но лошадь настолько была напугана взрывомъ, что, несмотря на всѣ усилія собравшихся, ее нельзя было заставить итти. Послѣ этого побѣжали къ Театральному мосту, гдѣ находились сани полковника Дворжицкаго, и на нихъ положили Его Величество, обезсилѣвшаго отъ потери крови. Капитанъ Кулебякинъ помѣстился впереди, рядомъ съ кучеромъ, спиной къ лошадямъ. Онъ придерживалъ ноги Августѣйшаго Монарха. Два казака и солдатъ коннаго гвардейскаго полка въ свою очередь заняли мѣста въ саняхъ и, наконецъ, штабсъ-капитанъ Кистеръ стоялъ на ногахъ на одномъ изъ полозьевъ, но долженъ былъ оставить свое мѣсто, чувствуя боль въ сердцѣ и головѣ, вслѣдствіе контузій, полученныхъ отъ лошади казака, бросившейся на него во время сумятицы. Въ то время какъ понесли Императора къ санямъ, квартирмейстеръ Куришовъ покрылъ голову Монарха платкомъ, но платокъ упалъ, когда Императора укладывали въ сани; тогда одинъ изъ присутствовавшихъ покрылъ голову каской съ султаномъ, но поручикъ графъ Гендриковъ изъ боязни, что этотъ уборъ причинитъ боль Императору, замѣнилъ его своей фуражкой. Штабсъ капитанъ Кистеръ, снявъ свою шинель, покрылъ ею Императора.

Сани тронулись. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ приказалъ юнкерамъ и матросамъ окружить ихъ, а впередъ послалъ четверыхъ конныхъ казаковъ. Переѣздъ совершенъ былъ черезъ Театральный мостъ, Мойку, Конюшенный мостъ и Милліонную улицу. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ сопровождалъ Государя съ тремя офицерами. Графъ Барановъ и директоръ телеграфовъ Людерсъ обогнали конвой Его Величества, съ цѣлью предупредить дворцовую прислугу и приготовить постель для Августѣйшаго раненаго. Сани съ Императоромъ остановились у подъѣзда Его Величества. Съ помощью дворцовой прислуги, сопровождавшей Государя, конвой сталъ его переносить. Открыли двери и направились къ подъемной машинѣ. Но видя, что такимъ путемъ невозможно было перенести Императора, Великій Князь приказалъ нести Страдальца большою лѣстницей.

Само собой разумѣется, Августѣйшій мученикъ былъ

въ этотъ моментъ въ состоянiи полнаго обморока. Что же касается состоянiя Государя, когда его подняли, чтобы перенести въ Зимнiй Дворецъ, то его трудно было точно уяснить, потому что воспоминанiя свидѣтелей сильно расходятся по этому вопросу. Тяжело раненый полицмейстеръ Дворжицкiй, бросившись наряду съ прочими на помощь Императору, слышалъ, какъ Его Величество невнятно произнесъ: „Помогите мнѣ“. Изъ двадцати четырехъ юнкеровъ, тотчасъ же прибывшихъ на мѣсто второго взрыва, пять показали, что слышали слова Государя: „Живъ ли Наслѣдникъ“—и слѣдующiя затѣмъ слова: „Мнѣ холодно“, при чемъ Государь поднесъ руку ко лбу. Прочiе увѣряли, что ничего не слышали, хотя Императоръ и шевелилъ губами. Лицо Мученика въ это время было спокойно, но глаза его, казалось, кого-то искали. Когда трое юнкеровъ нагнулись къ Государю, чтобы сообщить, что Наслѣдникъ живъ и невредимъ, Его Величество сдѣлалъ движенiе, какъ бы желая перекреститься. Великiй Князь Михаилъ Николаевичъ, идя по правую сторону своего Августѣйшаго брата, спросилъ его: „Слышите ли вы меня, Ваше Величество“. Императоръ отвѣтилъ: „Слышу“. А когда Великiй Князь спросилъ его затѣмъ: „какъ Ваше Величество себя чувствуете?“ то Августѣйшiй раненый отвѣтилъ: „Скорѣе домой. Скорѣе домой!“ Потомъ, на предложенiе штабсъ-капитана Новикова отнести Императора въ ближайшiй домъ, дабы оказать тамъ первую медицинскую помощь, Его Величество произнесъ: „Несите во дворецъ: тамъ... умереть“... Затѣмъ во время укладыванiя Государя въ сани Его Величество сказалъ двумъ его несшимъ: „Покройте меня платкомъ!“ Казакъ Кузьменко утверждалъ, что Государь, когда его уложили въ сани, спросилъ капитана Кулебякина: „Ты тоже раненъ?“ Но Кулебякинъ, оглушенный взрывомъ, не слышалъ словъ Императора. Находившiйся въ саняхъ солдатъ Прокудинъ, томимый тоскою и страхомъ, позволилъ себѣ обратиться къ Государю съ слѣдующими простыми словами: „Ваше Величество, отецъ нашъ, чувствуете вы что-нибудь?“ На это онъ получилъ отвѣтъ: „Немного“. Такимъ образомъ изъ всей совокупности показанiй относительно послѣднихъ словъ Монарха можно заключить одно, что Государь имѣлъ очень рѣдкiе проблески сознанiя.

Въ то время, когда перенесли Императора во дворецъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ послалъ за врачами; потомъ, обогнавъ кортежъ съ Августѣйшимъ раненымъ, вошелъ въ кабинетъ Императора, гдѣ уже находился генералъ-лейтенантъ Барановъ, и началъ вмѣстѣ съ нимъ и прислугою готовить Государю постель между письменнымъ столомъ и канапе. Первая медицинская помощь была оказана придворнымъ врачемъ Маркусомъ, въ этотъ день дежурившимъ, затѣмъ придворнымъ хирургомъ Круглевскимъ и фельдшеромъ Когановъ. Прежде всего необходимо было остановить кровь, бившую ключемъ изъ раздробленныхъ ногъ;для этой цѣли зажали пальцами артеріи и наложили каучуковыя эсмарховскія повязки. Императоръ находился въ безсознательномъ состояніи; его лицо было очень блѣдно; глаза полуоткрыты; зрачки не реагировали; челюсти сжаты; дыханіе неполное и короткое; пульсъ не прощупывался и сердце билось слабо. Были употреблены всѣ извѣстныя средства для приведенія въ чувство Императора. Обрызгивали изъ пульверизатора холодной водой его лицо и освѣжали эфиромъ; давали вдыхать кислородъ, всегда имѣвшійся подъ рукой, такъ какъ Его Величество часто прибѣгалъ къ нему при своихъ астматическихъ припадкахъ; но всѣ попытки возстановить дѣятельность сердца и мозга были тщетны. Къ тремъ часамъ прибылъ Боткинъ. Онъ нашелъ Его Величество въ вышеописанномъ состояніи: въ полномъ истощеніи отъ потери крови и безъ всякаго пульса. Одно время онъ думалъ испытать переливаніе крови, и многіе казаки изъ экскорта предложили себя въ этихъ цѣляхъ для операціи. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ думали, что дыханіе станетъ немного болѣе сильнымъ подъ вліяніемъ возбуждающихъ средствъ. Въ это время протоіерей причастилъ умираюшаго Монарха Святыхъ Тайнъ. Немного спустя дѣятельность легкихъ Государя стала еще болѣе слабой, и дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ. Къ тремъ часамъ прибыли врачи Императора—Цицуринъ и Головинъ, съ проф. хирургіи Богдановскимъ; но они могли только констатировать постепенное исчезновеніе остатковъ жизненности, несмотря на постоянныя вдыханія кислорода. Очевидно, наступали неизбѣжные послѣдніе моменты, вызванные острымъ малокровіемъ отъ ужасныхъ пораненій

нижнихъ конечностей. Къ тремъ съ половиною часамъ уже не было ни малѣйшаго признака дыханія, а въ три часа 35 минутъ душа царственнаго мученика вознеслась на небо, оставляя въ сердцахъ своихъ подданныхъ неизгладимый образъ отца народа, гуманнаго, щедраго и великодушнаго.

Двумя главными виновниками чудовищнаго преступленія, тутъ же на мѣстѣ арестованными, были—одинъ, назвавшій себя Глазовымъ-Рысаковъ и другой—лежавшій безъ сознанія, тяжело раненымъ, на тротуарѣ набережной. Рысакова народъ хотѣлъ прямо-таки разорвать, и вплоть до полицейскаго участка его нещадно били. О лежавшемъ безъ сознанія неизвѣстномъ человѣкѣ не было сомнѣнія, что онъ, именно, тотъ, который бросилъ вторую бомбу. Видѣли, что, именно, онъ поднялъ свои руки и съ силой ударилъ о землю какимъ-то бѣлымъ предметомъ. Его перенесли въ сосѣдній госпиталь, гдѣ онъ умеръ въ тотъ же вечеръ, въ 10 часовъ; лишь на одинъ моментъ пришелъ онъ въ себя и могъ понять обращенный къ нему вопросъ, какъ его зовутъ и какого онъ званія. На этотъ вопросъ неизвѣстный отвѣтилъ: „Не знаю".

Таковы были первыя данныя для распутыванія нитей чудовищнаго заговора. Къ разслѣдованію приступили съ первой же минуты; усилія и талантъ представителей суда достигли того, что вскорѣ же тайна анархистской преисподней освѣтилась. Руководство слѣдствіемъ было поручено предсѣдателю С.-Петербургскаго суда, прокурору судебной палаты *Плеве*, талантъ и неутомимая дѣятельность котораго во всемъ своемъ блескѣ проявились во время процесса цареубійцъ; и всѣ прочіе члены суда направили свои силы на освѣщеніе этого дѣла. Здѣсь мы видимъ судебнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ *Книрима* и товарищей прокурора *Добржанскаго* и *Муравьева* и, наконецъ, весь остальной служебный персоналъ; со стороны жандармскаго корпуса былъ подполковникъ *Никольскій*.

Слѣдствіе выяснило происхожденіе заговора. Во время ареста Александра Михайлова, еще въ ноябрѣ 1880 г., нашли у него динамитъ. Позже открыли въ одной изъ квартиръ, служившей мѣстомъ собранія анархистовъ [1]), фабрикацію

[1]) Большая Подъяческая, № 37.

взрывчатыхъ веществъ большихъ размѣровъ; въ другой квартирѣ[1]) находилась тайная типографія. Въ этихъ двухъ квартирахъ были арестованы выдающіеся по своей дѣятельности анархисты: Фриденсонъ[2]), Баранниковъ[3]) и Колодкевичъ[4]). Далѣе слѣдствіе выяснило, что въ этомъ кружкѣ принималъ участіе также выдающійся анархистъ Михаилъ *Тригони*, занимавшій квартиру подъ своимъ именемъ, и извѣстный Андрей Желябовъ, долго разыскиваемый по обвиненію его въ участіи въ нѣсколькихъ покушеніяхъ на жизнь Его Величества Государя Императора. Оба были одновременно арестованы въ квартирѣ Тригони, въ домѣ Лихачева, на Караванной, на углу Невскаго проспекта. Что касается квартиры Желябова, то ее открыли вскорѣ же[5]); въ ней онъ жилъ подъ именемъ Слатвинскаго, совмѣстно съ женщиной, называвшей себя его сестрой, Лидіей Войновой. Произведеннымъ въ этихъ квартирахъ обыскомъ, за нѣсколько часовъ до преступленія 1 марта, были обнаружены предметы, необходимые для изготовленія разрывныхъ снарядовъ. На слѣдующій день послѣ ареста Желябова, Войнова исчезла, но 10 марта была арестована. Въ дѣйствительности это была *Софья Перовская*, одна изъ главнѣйшихъ дѣятельницъ покушенія на Государя подъ Москвою, соучастница и правая рука *Гартмана*, Славинскій и его компаньонка вели жизнь очень уединенную. Перовская покинула квартиру 28 февраля и уже болѣе не возвращалась.

Рысаковъ былъ посаженъ въ секретную камеру. Видя, что всякая надежда на освобожденіе для него потеряна, онъ сталъ давать нѣкоторыя показанія. Такъ, онъ указалъ конспиративную квартиру для анархистскихъ собраній; она находилась на Тележной улицѣ, д. № 5. Въ ночь съ 2 на 3 марта товарищъ прокурора Добржанскій произвелъ съ помощью полиціи внезапный обыскъ. Когда они явились въ квартиру и объяснили женщинѣ, спросившей ихъ, цѣль своего прихода, имъ пришлось ударами топора взламывать дверь. Въ этотъ моментъ раздались выстрѣлы, послѣ чего

[1]) Подольская, № 11.
[2]) Подъ псевдонимомъ „Агачкескуловъ".
[3]) Псевдонимъ „Алафузовъ".
[4]) Псевдонимъ „Петровъ".
[5]) I рота Измайловскаго полка, № 37.

женщина открыла дверь. Въ первой комнатѣ на полу лежалъ обливаясь кровью, только что убившій себя человѣкъ; онъ нанесъ себѣ нѣсколько ранъ, изъ которыхъ одна въ високъ, была смертельной. Четыре часа спустя, онъ умеръ, не приходя въ сознаніе. Его псевдонимъ былъ „Фесенко-Навроцкій"; такую же вымышленную фамилію носила и его сожительница. Въ дѣйствительности это была еврейка *Гесся Гельфманъ*, или Гольтерманъ, мѣщанка изъ города Мозыря, Могилевской губерніи. Что касается самоубійцы, позже удалось открыть его настоящую фамилію. Это былъ *Николай Саблинъ*. Его соціалистическая дѣятельность началась съ 1873 года; онъ жилъ за границей и при возвращеніи въ Россію, былъ на границѣ арестованъ, заключенъ въ тюрьму и судился въ извѣстномъ процессѣ 193-хъ. Это было въ 1877 году. Судъ зачелъ Саблину долгое предварительное заключеніе и освободилъ его. Квартира Саблина служила мѣстомъ собранія заговорщиковъ и была полна предметовъ, говорившихъ о преступныхъ замыслахъ его гостей: два снаряда уже готовыхъ, химическая посуда, планы столицы съ чертежами направленія подкоповъ и т. д.

Въ тотъ же самый день была новая поимка.

Послѣ обыска на Телѣжной, полицейскіе чиновники па время водворились въ этой квартирѣ,—имъ отданъ былъ приказъ арестовывать всякаго, кто только придетъ въ это помѣщеніе. Вошелъ молодой рабочій, и въ то время, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, его встрѣтилъ дворникъ Сергѣевъ. На вопросъ послѣдняго, куда онъ идетъ? молодой человѣкъ указалъ на № 12, который въ это время былъ совершенно пустъ. Дворнику это показалось подозрительнымъ; онъ пригласилъ рабочаго въ квартиру № 5, гдѣ помѣщались чиновники полиціи. Послѣдніе въ теченіе получаса распрашивали его о фамиліи и званіи. Молодой рабочій на вопросы отвѣчалъ очень сбивчиво. Тогда приступили къ личному обыску; но въ этотъ моментъ рабочій, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ обыскивавшихъ: городовой *Денисовъ* былъ раненъ въ правый пахъ, а частный приставъ *Слуцкій* получилъ контузію въ грудь. Вскорѣ преступника удалось обезоружить и доставить въ полицейскую часть, гдѣ очень скоро установили, что это былъ *Тимоѳей Михайловъ*, крестьянинъ

Смоленской губерніи. При обыскѣ въ его карманѣ нашли записку, назначавшую ему свиданіе въ четыре часа въ кондитерской Исакова, уголъ Невскаго Проспекта и Малой Садовой, гдѣ былъ устроенъ магазинъ политическаго преступника *Кобозева*. Когда явились туда полицейскіе, между 3 и 4 часами, то въ числѣ собравшихся открыли анархиста *Григорія Орлова*, съ кинжаломъ въ карманѣ.

На слѣдующій день, 4 марта, полиція была извѣщена, что владѣлецъ сырной лавки, находившейся въ томъ же самомъ домѣ, Евдокимъ Кобозевъ, скрылся вмѣстѣ съ женой Авдотьей; что же касается приказчика Меркулова[1]), то онъ давно уже покинулъ своихъ хозяевъ, такъ какъ по своему слишкомъ высокому росту, онъ не подходилъ къ типу приказчика, да и не приспособился къ продажѣ сыра. Въ различныхъ мѣстахъ магазина нашли въ бочкахъ, ящикахъ и боченкахъ около 109 кубическихъ футовъ свѣжей земли и песку. Здѣсь день и ночь попеременно работала партія заговорщиковъ. Была начинена мина 32 килограммами чернаго динамита; она была вполнѣ уже готова; ея разрушительная сила, согласно мнѣнію экспертовъ, должна была бы вырыть яму въ пять метровъ глубины въ центрѣ улицы; окна сосѣднихъ домовъ должны были бы разбиться; печи и потолки упасть. Плата за помѣщеніе магазина, состоящаго изъ трехъ комнатъ, доходила до 1200 рублей; такая цѣна мелкому торговцу была бы не подъ силу. Въ январѣ мѣсяцѣ супруги Кобозевы утвердились въ магазинѣ и съ самаго начала обратили на себя вниманіе полиціи и сосѣдей. Бросилось въ глаза, что ихъ образъ жизни не отвѣчаетъ образу жизни класса мелкихъ лавочниковъ. Такъ, напримѣръ, жена торговца имѣла привычки, изобличавшія въ ней женщину болѣе высокаго круга. Часто по ночамъ она отсутствовала. Ихъ посѣщали только подозрительные по внѣшности люди[2]). Въ силу цѣлаго ряда подозрѣній полиція провѣрила паспортъ Кобозева, написавъ объ этомъ властямъ Воронежской губерніи, откуда былъ выданъ этотъ документъ. Отвѣтъ получился удовлетворительный, такъ какъ какой-то Евдокимъ Кобозевъ дѣйствительно получилъ паспортъ и къ тому же, именно, въ то время, которое было

[1]) Псевдонимъ „Яковенко".

[2]) Желябовъ, Михайловъ и др.

выставлено на фальшивомъ паспортѣ. Торговля въ магазинѣ шла очень вяло и бывали дни, когда ея почти не происходило. Между тѣмъ подозрѣнія росли. Полицейскій чиновникъ *Дмитріевъ* пришелъ сначала какъ бы случайно на минуту, чтобы убѣдиться, не слишкомъ ли сыро помѣщеніе и не нарушаетъ ли оно санитарныхъ предписаній. 28 февраля все помѣщеніе осмотрѣлъ завѣдывающій технической частью столичной префектуры генералъ-маіоръ *Мровинскій*; осматривалъ его онъ подъ тѣмъ же предлогомъ, но ничего подозрительнаго не нашелъ, такъ какъ Кобозевъ заложилъ отверстіе мины камнями, а послѣдніе покрылъ полотномъ и все это заклеилъ раскрашенной глянцевитой бумагой. Впрочемъ, разслѣдованіе генерала Мровинскаго было произведено очень поверхностно и поспѣшно, что показало его преступную небрежность. Это обстоятельство послужило предметомъ слѣдствія для товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генерала *Черевина*, и Мровинскій былъ отданъ подъ судъ въ ноябрѣ того же года. Послѣ этого посѣщенія супруги Кобозевы поняли, что ихъ могутъ открыть, и 3 марта покинули магазинъ. Мина была найдена въ готовомъ видѣ, и ее было не легко разрядить. Всѣ дома Малой Садовой подверглись всестороннему обыску. Обыскивали ночью въ одинъ и тотъ же часъ 11 товарищей прокурора съ помощью полиціи. Достойно вниманія, что анархисты съ давнихъ поръ обратили вниманіе на Малую Садовую. Это видно изъ того обстоятельства, что еще въ декабрѣ 1879 г. изъ за границы были получены свѣдѣнія, что въ этой столь населенной части города изготовлялись мины.

Данныя разслѣдованія съ очевидностью показали всю безчеловѣчность испорченной воли злоумышленниковъ. Эта безчеловѣчность проявилась въ самомъ характерѣ заговора, въ его обдумываніи, подготовленіи, назначеніи часа исполненія и самаго исполненія. Мысль объ организаціи послѣдняго покушенія на Царя возникла на террористическихъ собраніяхъ у Рысакова приблизительно за 10 дней до 1 марта; позже этого идея была предметомъ обсужденія въ собраніяхъ на конспиративной квартирѣ Гесси Гельфманъ, на Троицкой улицѣ. Начало организаціи положилъ Желябовъ, бросившій кличъ желающимъ принять участіе въ преступленіи, въ принципѣ рѣшенномъ „исполнительнымъ комите-

томъ“, собственно говоря, кружкомъ нѣсколькихъ наиболѣе извѣстныхъ анархистовъ, безъ сомнѣнія, тѣхъ, именно, которые принимали участіе въ самомъ исполненіи преступленія. Тайныя собранія происходили въ маленькомъ народномъ ресторанѣ „Волонтеры“; однако же, не предполагали, что преступленіе должно было столь скоро совершиться. Вскорѣ, когда приступили къ работѣ, обнаружилась нервность и нетерпѣливость, какъ у Желябова, такъ и его друзей; на нихъ тяжелое впечатлѣніе произвели аресты послѣднихъ дней. Рысаковъ далъ свой окончательный и рѣшительный отвѣтъ лишь за недѣлю до 1 марта; послѣ этого онъ вошелъ въ личныя сношенія съ новыми единомышленниками и былъ введенъ на квартиру на Троицкой улицѣ, гдѣ и происходили, главнымъ образомъ, тайныя собранія относительно покушенія. Кромѣ Рысакова, свое согласіе дали нѣкто „Михаилъ Ивановичъ“, неизвѣстный, который погибъ во время покушенія, рабочій Тимоѳей Михайловъ и какой-то „Мишель“. Софья Перовская появлялась на этихъ собраніяхъ въ качествѣ дѣятельнаго агента: она организовала правильное и постоянное наблюденіе за выѣздами Императора, даже за его посѣщеніями учебныхъ заведеній. Подъ руководствомъ Перовской находились слѣдующія лица: Оловянникова Елизавета, Тырковъ Аркадій, Тычининъ Петръ, Рысаковъ и „Михаилъ Ивановичъ“. Гессея Гельфманъ и Саблинъ всегда присутствовали на тайныхъ собраніяхъ въ Телѣжной. Во время перваго собранія неожиданно пришло лицо, котораго всѣ называли „техникомъ“; онъ объяснилъ, по образцамъ, въ подробностяхъ устройство снарядовъ. 28 февраля произведены были опыты совмѣстно съ „техникомъ“, которые дали очень удовлетворительные результаты: бомба правильно взорвалась. Опытъ былъ совершенъ на берегахъ Невы, выше Смольнаго. Въ этотъ день рѣшили совершить покушеніе 1 марта. Всю ночь съ 28 февраля на 1 марта неизвѣстный „техникъ“ работалъ надъ изготовленіемъ четырехъ бомбъ; ему помогали *Сухановъ*, *Грачевскій* и Вѣра *Филиппова*, въ квартирѣ которой на Вознесенскомъ проспектѣ и собрались злоумышленники.

Въ 9 часовъ 1 марта всѣ заговорщики собрались въ помѣщеніи на Телѣжной. Здѣсь имъ выдали снаряды, принесенные Софьей Перовской и „техникомъ“ въ салфеткахъ,

и дали послѣднія указанія, разработанныя любовницей Желябова. Она набросала карандашомъ планъ мѣстности и дала каждому необходимыя объясненія. Взрывъ долженъ произойти на Малой Садовой во время проѣзда Его Величества, и, всѣ, имѣющіе снаряды, непремѣнно должны были находиться поблизости: Рысаковъ—недалеко отъ сквера съ памятникомъ Императрицы Екатерины, „Мишель"—на углу проспекта и Малой Садовой, тогда какъ на другомъ концѣ улицы, на углу Большой Итальянской, должны были находиться, какъ на самомъ опасномъ мѣстѣ, Тимоѳей Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ". Если бы мина почему-либо не взорвалась, всѣ вооруженные снарядами должны были бѣжать къ мѣсту взрыва, гдѣ они могли бы найти Императора и использовать свои снаряды. Въ случаѣ, если бы Императоръ не проѣхалъ черезъ Малую Садовую, заговорщики должны были встрѣтиться съ Перовской на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна будетъ сдѣлать знакъ платкомъ, что нужно направиться къ Екатерининскому каналу. Все было выполнено, какъ условливались. Послѣ того, какъ Перовская дала сигналъ, она побѣжала на проспектъ къ Казанскому мосту и помѣстилась съ другой стороны канала, откуда, внѣ опасности, наблюдала картину кровавой катастрофы.

Семнадцатаго марта въ домѣ по набережной Лиговскаго канала арестовали долго разыскиваемаго анархиста Николая *Кибальчича*, жившаго подъ ложнымъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Ланскаго. Это и былъ знаменитый „техникъ", который давалъ свои объясненія на Телѣжной и который позже принесъ свои снаряды. Находясь въ соціалистической средѣ около 10 лѣтъ, Кибальчичъ первый пришелъ къ убѣжденію, что близко то время, когда динамитъ долженъ будетъ принять участіе въ борьбѣ съ правительствомъ.

Наконецъ, слѣдствіе открыло, что самымъ ужаснымъ преступникомъ, бросившимъ въ ноги Императора вторую бомбу, былъ нѣкто *Игнатій Гриневицкій*, 25 лѣтъ: жилъ онъ по фальшивому паспорту на имя Ельникова и въ соціалистической средѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ „Михаила Ивановича". Въ послѣднее время Гриневицкій занимался пропагандой среди рабочихъ.

Намъ, въ связи съ медико-хирургическою академіей, приходится здѣсь остановиться на Кибальчичѣ. Это былъ грустный, меланхоличный и молчаливый человѣкъ. Украинецъ по происхожденію, фантазеръ въ политикѣ и, сверхъ всего этого, философъ и въ нѣкоторомъ родѣ ученый, онъ олицетворялъ въ себѣ практическія идеи терроризма. Онъ выбралъ себѣ злосчастную спеціальность; организаціей и пропагандой онъ не занимался, отъ „движенія" былъ вдали; за то весь онъ отдался съ 1878 года изученію техническихъ вопросовъ, посвятивъ имъ всѣ свои силы, всѣ свои способности. Онъ первый, какъ говорилось уже выше, пришелъ къ тому убѣжденію, что взрывчатыя вещества должны играть въ будущемъ роль рѣшительныхъ средствъ въ революціонной борьбѣ съ правительствомъ, въ которой всѣ средства должны быть хороши. Его революціонная карьера очень коротка и ничего особеннаго не представляетъ. Родился Кибальчичъ въ 1854 году въ семьѣ священника Черниговской губерніи; свое образованіе онъ началъ въ Новгородъ-Сѣверской духовной семинаріи и 19-ти лѣтъ, въ 1871 году, поступилъ въ инженерный институтъ; но здѣсь онъ не оставался и двухъ лѣтъ, перешелъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ и сблизился съ соціалистическими кружками. Произведенный въ 1875 г. обыскъ открылъ у него бумаги, революціонные пасквили и фальшивые паспорта; были также доказательства, что нѣкоторое время онъ занимался пропагандой. За все это Кибальчичъ поплатился очень продолжительнымъ заключеніемъ сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія.

1 мая 1878 г. дѣло его разсматривалось въ Сенатѣ и онъ былъ осужденъ на мѣсяцъ тюремнаго заключенія.

Послѣ отбытія положеннаго наказанія, Кибальчичъ перешелъ въ нелегальное положеніе, но до весны 1879 г. оставался спокойнымъ и не принималъ участія въ террористическихъ актахъ. Имѣлось лишь нѣсколько указаній, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ обвиняемыми по процессу Мирскаго во время покушенія на ген. Дрентельна. Въ 1879 г. черезъ посредство *Квятковскаго* онъ предложилъ свои услуги партіи „Народная Воля", аргументируя свое желаніе поступить временемъ энергичной борьбы, когда каждый

сочувствующій партіи долженъ оказать послѣдней свое активное содѣйствіе. Впрочемъ, онъ съ давнихъ поръ принадлежалъ къ числу убѣжденнѣйшихъ террористовъ; это видно изъ того, что во время своего предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ онъ горячо апплодировалъ высказанной однимъ изъ заключенныхъ мысли—найти средство произвести достаточно ужасный взрывъ, который могъ бы погубить всю императорскую фамилію. „Народная Воля" безъ отлагательства приняла предложеніе Кибальчича, и съ этого времени послѣдній сталъ главнымъ техникомъ партіи и занимался только приготовленіемъ динамита и прочихъ взрывчатыхъ веществъ или изобрѣтеніемъ смертоносныхъ снарядовъ. Такъ, напримѣръ, онъ доставилъ партіи нитроглицеринъ для покушенія на Государя подъ Одессой, въ которой онъ тогда жилъ вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, подъ фамиліей Иваницкаго; онъ принималъ участіе въ знаменитомъ Александровскомъ покушеніи. Самъ Кибальчичъ далеко не былъ искуснымъ техникомъ; такъ, однажды онъ пролилъ такое количество сѣрной кислоты, что долженъ былъ заплатить убытокъ, причиненный жильцамъ нижняго этажа; въ другой разъ у него неожиданно произошелъ взрывъ, отъ чего переполошились всѣ жильцы дома, въ которомъ онъ помѣщался. Скорѣе это былъ псевдо-ученый изобрѣтатель, всѣ дни проводившій, запершись въ своей лабораторіи, для организаціи которой анархисты дали ему средства и которую содержали для него. Кибальчичъ мало писалъ, но иногда помѣщалъ, подъ псевдонимомъ „Дорошенко", свои статьи въ „Народной Волѣ"; говорилъ онъ еще меньше и всегда избѣгалъ шума. По словамъ друзей Кибальчича, этотъ жестокій человѣкъ имѣлъ, будто бы, очень мягкій и очень довѣрчивый характеръ: среди единомышленниковъ онъ былъ безвреднымъ простачкомъ и добродушнымъ дитятею. Этотъ молчаливый террористъ могъ отдаться поставленной для себя цѣли только вдали отъ злобы дня, лихорадочной дѣятельности и всѣхъ сложныхъ перипетій. Онъ рѣшилъ изобрѣсти новые снаряды и достигъ этого съ большимъ трудомъ. Эксперты, изучавшіе во время слѣдствія предназначенныя для преступленія бомбы, нашли, что Кибальчичъ обладалъ въ достаточной степени техническими знаніями и проявилъ нѣкоторую изобрѣтательность. Его

снаряды были четырехугольной и продолговатой формы, и ихъ механизмъ былъ достаточно сложенъ. Они должны были дѣйствовать по опредѣленному направленію, въ зависимости отъ того, въ горизонтальномъ или вертикальномъ направленіи ихъ бросали. Внутри снарядовъ перекрещивались двѣ маленькія стеклянныя трубочки, наполненныя сѣрной кислотой; при ударѣ отъ паденія одна изъ этихъ трубочекъ неминуемо должна была разбиться, послѣ чего кислота воспламеняла массу, соединявшуюся съ помощью двухъ фитилей съ взрывчатымъ желатиномъ. Весь этотъ механизмъ помѣщался въ простой жестяной коробкѣ, въ родѣ тѣхъ коробокъ, которыя употребляются для продажи керосина въ маленькихъ лавочкахъ [1]).

Такія, по существу своему, отвратительныя личности, какъ Голотупенко, Мирскій, Юрковскій и Кибальчичъ, а также постоянныя волненія въ медико-хирургической академіи и уличныя демонстраціи привели къ преобразованію ея въ военно-медицинскую. Къ сожалѣнію, учрежденіе это получилось не то военное, не то гражданское, и волненія здѣсь не прекращались до послѣдняго времени. Мы являемся свидѣтелями такихъ же происходящихъ здѣсь „товарищескихъ безобразій", какія наблюдаются среди прочей неучащейся молодежи, на той же освободительной почвѣ, съ невыносимымъ деспотизмомъ шайки коноводовъ и въ финалѣ имѣемъ дикую кулачную расправу въ самыхъ аудиторіяхъ съ тѣми, кто осмѣлился учиться и работать.

Дѣло въ томъ, что среди студентовъ медиковъ перваго курса академіи оказалось нѣсколько черносотенцевъ—членовъ „Союза Русскаго Народа". Сначала студенты изловили въ принадлежности къ „Союзу" *Соломатина*, а затѣмъ *Колобова* и *Дитлова*. Товарищи постановили исключить ихъ изъ академіи, именно, за участіе въ „Союзѣ", и когда Дитловъ и Колобовъ, осуществляя свое право, явились на лекцію по физикѣ профессора Терешина, остальные, осуществляя безправіе, требовали, чтобы отверженные удалились, и предложили профессору не читать лекціи, пока они не покинутъ аудиторію. Можно представить себѣ обстановку этой возмутительно грубой и до ужаса несправедливой расправы.

[1]) „Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи". Москва. 1906 г.

Толпа, ревущая на сходкахъ о „свободахъ“, съ тупою, холодною жестокостью отказываетъ товарищамъ въ возможности имѣть свое мнѣніе, свои политическія убѣжденія и стремится вытолкнуть ихъ изъ академіи только за то, что они осмѣлились быть на самомъ дѣлѣ свободными. Вытолкнуть не только изъ академіи, но и изъ жизни, потому что другая, такая же слѣпая толпа не приметъ къ себѣ удаленныхъ по „товарищескому суду“. По „суду!“ Да развѣ это судъ, а не изгнаніе „по третьему пункту“, упраздняемому въ бюрократическомъ мірѣ и вводимому въ автономный застѣнокъ? Когда наивная въ своемъ насиліи надъ чужою совѣстью аудиторія устроила травлю двумъ студентамъ, на каѳедрѣ передъ этими юношами, недавно соскочившими съ гимназической скамьи, былъ профессоръ. Понималъ ли онъ всю нравственную неприглядность разыгравшейся передъ нимъ сцены? Сказалъ ли онъ этимъ добровольнымъ инквизиторамъ, что вмѣстѣ съ двумя ихъ товарищами они выгоняютъ и свободу совѣсти?

— Мы выражаемъ твердую увѣренность,—заявили насильники, что рѣшеніе товарищескаго суда чести найдетъ поддержку г.г. профессоровъ, которые не пожелаютъ стать на защиту двухъ позорящихъ курсъ лицъ вопреки интересамъ остальной массы студенчества.

И вотъ озвѣрѣлая толпа студентовъ бьетъ въ физической аудиторіи смертельнымъ боемъ Дитлова и Колобова, для спасенія которыхъ пришлось даже обратиться за помощью къ казакамъ.

Это было 19 марта 1907 г.

20-го марта въ военно-медицинскую академію прибылъ для производства предварительнаго дознанія состоящій въ распоряженіи Военнаго Министра ген.-маіоръ *Бородкинъ*. Допрашивались штабъ-офицеры и пострадавшіе союзники. Совѣтъ старостъ академіи рѣшилъ напередъ, что дознаніе, произведенное ген. Бородкинымъ, членомъ „Русскаго Собранія“, будетъ носить опредѣленную окраску и обратился къ студентамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Въ виду того, что *только* общеакадемическая сходка, назначенная 22-го марта, можетъ явиться единственнымъ судьею всѣхъ послѣднихъ событій, мы просимъ товарищей не являться на приглашеніе начальника академіи для дачи показаній“.

На состоявшейся общеакадемической сходкѣ студенты постановили отказаться отъ дачи показаній ген. Бородкину, такъ какъ онъ „является лицомъ чуждымъ академіи". Вслѣдствіе этого постановленія студенты сами не явились къ ген. Бородкину, и послѣднему пришлось разослать около 350 приглашеній: всѣмъ 250-ти студентамъ перваго курса и до сотни студентовъ другихъ курсовъ; кромѣ того, спеціально были приглашены, для освѣщенія хода академической жизни, студенческіе старосты. Вызванные для допроса обвиняемые и свидѣтели отказались дать какія-либо показанія. Въ результатѣ 26 студентовъ, вызванныхъ въ качествѣ свидѣтелей, пришлось на одинъ годъ уволить изъ академіи, именно, за отказъ отъ дачи показаній.

22 марта въ военно-медицинской академіи состоялась общестуденческая сходка. Не желая допустить этой сходки, начальникъ академіи А. Я. Данилевскій рано утромъ приказалъ закрыть всѣ аудиторіи, клиники и лабораторіи. Отмѣнены были въ этотъ день не только занятія, но и диспуты для врачей, защищавшихъ диссертаціи для полученія степени доктора-медицины. Сходка, не смотря на всѣ принятыя мѣры, состоялась въ академическомъ саду; присутствовало около 400 студентовъ.

Первымъ обсуждался вопросъ о правильности тактики перваго курса по отношенію къ студентамъ-членамъ „Союза Русскаго Народа". Всѣ выступавшіе ораторы единодушно клеймили дѣятельность „Союза Русскаго Народа". Они подчеркивали, что „Союзъ" не стоитъ на почвѣ идейной политической борьбы и поэтому онъ не можетъ претендовать на равноправное существованіе наряду съ другими политическими организаціями. Всѣ одобряли политику перваго курса, старавшагося легальными-де мѣрами избавиться отъ союзниковъ. Мнѣнія раздѣлились лишь по вопросу о томъ, какъ вести себя въ будущемъ по отношенію къ союзникамъ. Представители студенческой фракціи партіи народной свободы высказывались въ томъ смыслѣ, что первымъ курсомъ были испытаны всѣ легальныя средства и что необходимо и впредь бороться съ союзниками только мирнымъ путемъ. Они предостерегали противъ активнаго бойкота. „Ораторы" другихъ партій доказывали, что члены „Союза Русскаго Народа" не признаютъ моральныхъ средствъ и даже издѣваются надъ

ними. Еще и теперь союзники составляютъ проскрипціонные списки и намѣчаютъ свои жертвы. „Ораторы“ требовали примѣненія всѣхъ возможныхъ средствъ противъ членовъ „Союза Русскаго Народа“ до активнаго бойкота включительно.

Клеветали много. Говорили, будто-бы союзники находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ штабъ-офицерамъ академіи, что они, будто-бы, тайно унесли книгу, въ которой студенты академіи обмѣнивались мыслями по различнымъ академическимъ и политическимъ вопросамъ, и передали ее одному изъ штабъ-офицеровъ, что они создали въ академіи (двое-то?) спеціальную организацію для борьбы съ первокурсниками, что они всегда ходятъ вооруженными и т. д. Указывалось и на то, что ген.-м. Бородкинъ поставилъ себѣ исключительно цѣлью выяснить, кто вытолкалъ изъ аудиторіи союзниковъ, не обращая никакого вниманія на заявленіе объ ихъ дѣятельности и о появленіи казаковъ.

Сходкѣ были предложены четыре резолюціи: конституціоналистовъ-демократовъ, соціалъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и трудовиковъ. Резолюціи первыхъ и послѣднихъ были отвергнуты, какъ направленныя противъ тактики активнаго бойкота. Послѣ продолжительныхъ преній, сходкой была принята резолюція соціалъ-революціонеровъ, въ которой рѣзко порицалась дѣятельность „Союза Русскаго Народа“, указывалось, что наличность его членовъ въ академіи оскорбляетъ всѣхъ студентовъ, признавалась правильной тактика перваго курса и предлагалось на будущее время принимать активныя мѣры противъ союзниковъ. Сходка постановила также бороться и съ штабъ-офицерами, которые будутъ вмѣшиваться въ студенческія дѣла. Постановлено предложить начальству академіи устранить двухъ штабъ-офицеровъ, введшихъ казаковъ въ помѣщеніе естественно-историческаго зданія. Далѣе сходкой рѣшено было отказаться давать показанія генералъ-маіору Бородкину.

Во время сходки на прилегающихъ улицахъ наблюдались патрули городовыхъ, вооруженныхъ винтовками, но сходка шла безпрепятственно.

Таковы факты. Попробуемъ теперь сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые выводы. Всѣ находившіеся на сходкѣ студенты признали, что присутствіе союзниковъ въ академіи ихъ оскорбляетъ. Но вѣдь эти студенты со временемъ должны быть военными врачами; слѣдовательно, ихъ и въ войскахъ

должно оскорблять присутствіе „черносотенцевъ“, т. е. всѣхъ офицеровъ, всѣхъ солдатъ, не увлеченнымъ освободительнымъ движеніемъ, а такихъ еще очень много. Какое же у этихъ врачей можетъ быть отношеніе къ арміи? Кромѣ презрѣнія, они къ ней ничего чувствовать не могутъ. А кому же нужны и на что могутъ быть способны врачи, презирающіе своихъ паціентовъ?

Партіи соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ запрещенныя; принадлежность къ нимъ строго карается закономъ. Какимъ же образомъ въ стѣнахъ высшей военной школы эти партіи могутъ составлять большинство, которое диктуетъ свои резолюціи? Соціалисты нисколько не скрываютъ, что они—враги существующаго государственнаго строя. Но развѣ врагамъ Царя и Родины мѣсто въ военной школѣ? Развѣ эти враги могутъ занимать самостоятельныя и отвѣтственныя должности въ арміи? Конечно, нѣтъ! Студенты, требовавшіе раньше удаленія только союзниковъ, до того обнаглѣли, что потребовали затѣмъ удаленія изъ академіи штабъ-офицеровъ, осмѣлившихся позвать казаковъ. Совмѣстимо ли съ военною дисциплиной требованіе смѣны начальства? Въ какой военной школѣ можетъ быть терпимо подобное требованіе?

Наконецъ, вѣнцомъ всей этой возмутительной исторіи является порицаніе соціалъ-революціонерами „Союза Русскаго Народа“. Въ монархической, самодержавной Россіи на сходкѣ въ саду военной школы партія гнусныхъ убійцъ изъза угла, партія, обагрившая свои руки невинной кровью сотенъ людей, партія, запятнавшая свою совѣсть безчисленнымъ рядомъ разбоевъ, грабежей и кражъ, осмѣлилась высказать свое порицаніе партіи, мирнымъ путемъ защищавшей Царя и Родину, стремившейся къ прекращенію смуты, къ водворенію порядка. Къ ген. Бородкину, производившему слѣдствіе въ военно-медицинской академіи, явился студентъ, сочувствовавшій черносотенцамъ, и показалъ ему *смертный приговоръ*, полученный имъ отъ революціонеровъ за то только, что онъ смѣетъ думать иначе, чѣмъ они [1]).

Предпринятое, по приказанію военнаго министра, разслѣдованіе бывшаго 19 марта на лекціи по физикѣ инцидента съ членами „Союза Русскаго Народа“ окончилось

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 1907 г., 25 марта, № 70.

исключеніемъ изъ академіи 39 студентовъ. Резолюція министра состоялась 1 апрѣля. Причины увольненія указывались въ повѣсткахъ: „Увольняетесь за то, что были главнымъ иниціаторомъ въ вопросѣ по изгнанію студентовъ—членовъ „Союза Русскаго Народа", которыхъ вы оскорбили, кромѣ того, въ своемъ письменномъ заявленіи"; „за то, что 19-го марта въ физической аудиторіи вы наносили побои своимъ товарищамъ"; „за то, что неумѣстными разговорами съ проф. физики *Терешинымъ* нарушили благочиніе и порядокъ на лекціи", „за то, что состояли членомъ незаконной организаціи, подъ названіемъ „совѣта старостъ" и, наконецъ, „за то, что отказались давать показанія генералъ маіору Бородкину, опрашивавшему по приказанію военнаго министра". Каждому уволенному студенту было предъявлено по 2—3 обвинительныхъ пункта.

Уволены были военнымъ министромъ 27 студентовъ перваго курса: *Денике, Молчановъ, Суховъ, Рухлядъ, Гарнецъ, Бешевъ, Комендантовъ, Мангубби, Манугарянцъ, Глуховъ, Егоровъ, Добычинъ, Ларюшкинъ, Соколовъ, Радецкій, Сутковскій, Веббъ, Кузнецовъ, Перчанскій, Вишневскій, Чернышевъ, Воронцовъ, Шубаковъ, Геллеръ, Осинъ, Макеевъ и Верницкій;* 3 студента второго курса: *Разумовскій, Куцкій и Прохоровъ;* 3 студента третьяго курса: *Герасимовъ, Вѣсковъ и Мацкевичъ;* 2 студента 4 курса: *Петровъ и Ковалихинъ* и 3 студента 5 курса: *Соловьевъ, Бехеревъ и Башенинъ.* Нѣкоторые уволены были безъ права обратнаго пріема въ академію; пятнадцать студентовъ уволены на одинъ годъ; уволенъ весь составъ совѣта старостъ, дѣйствовавшаго въ послѣднее время, и часть студентовъ прежняго совѣта, причемъ администраціей академіи было заявлено, что если остальная часть прежняго совѣта солидарна съ уволенной частью и хочетъ раздѣлить ея участь, то препятствій къ этому не встрѣчается. О штабъ-офицерѣ, подполковникѣ *Клембовскомъ*, который ввелъ въ академію казаковъ и приказалъ ихъ разогнать хулиганствовавшихъ въ коридорахъ студентовъ, министръ указалъ въ своей резолюціи, что „онъ былъ правъ и дѣйствовалъ согласно инструкціи". Вмѣстѣ съ этимъ профессорами отъ начальника академіи Л. Я. Данилевскаго было получено распоряженіе не экзаменовать тѣхъ студентовъ, которые явятся не въ установленной формѣ.

Съ утра 6 апрѣля среди студентовъ военно-медицин-

ской академіи наблюдалось особенное возбужденіе. Всѣхъ тревожилъ вопросъ, состоится ли сходка? Возлѣ академіи было оживленное движеніе. Академическое начальство, предчувствуя что-то особенное, рѣшило принять свои мѣры. Между двѣнадцатью и часомъ дня было велѣно закрыть всѣ аудиторіи, клиники и не пропускать студентовъ. Много позже явилось объявленіе на закрытыхъ для студентовъ помѣщеніяхъ отъ начальника академіи:

„Въ виду производимыхъ студентами незаконныхъ сходокъ академія временно, впредь до особаго распоряженія Военнаго Министра, закрывается“.

Незапертою оставалась столовая студентовъ. Начальникъ академіи предполагалъ, что студенты не рискнутъ воспользоваться ею и не созовутъ сходки тамъ, такъ какъ онъ неоднократно заявлялъ студентамъ, что тогда столовая немедленно будетъ закрыта и можетъ быть навсегда. Но такъ какъ, по мнѣнію большинства студентовъ, непремѣнно надо было реагировать на увольненіе товарищей, совѣщаніемъ старостъ и отдѣльныхъ группъ было рѣшено пожертвовать столовой и созвать сходку во что бы то ни стало. Результатомъ явилось объявленіе отъ совѣта старостъ: „Сходка состоится 6-го апрѣля въ столовой непремѣнно“. Около $3^1/_2$ часовъ сходка началась: Президіумъ, выбранный изъ старостъ, огласилъ заявленіе подполковника Г. А. Немирова, завѣдывавшаго столовой:

„Начальникъ академіи приказалъ сообщить г.г. студентамъ, что, при закрытіи академіи, столовая студентовъ будетъ открыта впредь до перваго нарушенія установленнаго въ ней порядка“.

Завленіе было выслушано и баллотировкой единогласно рѣшено „сходкѣ быть“. Присутствовало болѣе 400 студентовъ.

Выступавшіе съ рѣчами „ораторы“ всѣхъ существовавшихъ въ академіи партійныхъ группъ рѣзко критиковали дѣятельность администраціи. Они указывали, что вопросъ съ увольненіемъ студентовъ является слѣдствіемъ не только инцидента съ членами „Союза Русскаго Народа“, а и общаго стремленія правительства подавить всякое передовое движеніе, какъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и во всей странѣ. Случай съ членами „Союза“, такимъ образомъ, только удобный предлогъ для отнятія тѣхъ незначительныхъ свободъ, которыхъ добились студенты путемъ про-

должительной борьбы. Конференція профессоровъ, говорили „товарищи“, молчитъ и этимъ только санкціонируетъ творящіяся неправды. Указывалось и на то, что съ увольненіемъ членовъ совѣта старостъ нанесено оскорбленіе всему студенчеству.

Принятая единогласно резолюція отмѣтила, что весь послѣдній учебный годъ прошелъ въ борьбѣ между студентами академіи и администраціей, которая всячески провоцировала-де учащихся. Затѣмъ констатировалось, что увольненіе 39 студентовъ являлось насиліемъ, вслѣдствіе доносовъ членовъ „Союза Русскаго Народа“ и ихъ защитниковъ. Далѣе резолюція требовала возвращенія въ академію всѣхъ уволенныхъ, удаленія студентовъ—членовъ „Союза Русскаго Народа“, легализаціи совѣта старостъ и немедленнаго устраненія штабъ-офицеровъ—Жадимировскаго и Клембовскаго. Резолюція заканчивалась словами: „Мы вынуждены бастовать. Мы всячески избѣгали этого тяжелаго средства борьбы и вынужденные на него теперь, всю отвѣтственность за его послѣдствія возлагаемъ на конференцію и начальника академіи“. Сходка постановила далѣе обратиться къ студентамъ пятаго курса съ предложеніемъ не держать государственныхъ экзаменовъ до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться общеакадемическая забастовка. Рѣшено ни къ какимъ слѣдователямъ вообще не ходить и ни на какіе вопросы администраціи о сходкахъ и забастовкахъ не отвѣчать [1]).

7 апрѣля всѣ помѣщенія военно-медицинской академіи, вплоть до канцеляріи, были закрыты для студентовъ. Для того, чтобы войти въ помѣщеніе канцеляріи, требовалось разрѣшеніе штабъ-офицера Жадимировскаго, удаленія котораго требовали студенты. Столовая была также закрыта.

8 и 9 апрѣля ясно показали, что подстрекателями студентовъ къ безчинствамъ были профессора. Въ эти дни состоялись два засѣданія конференціи профессоровъ военно-медицинской академіи для обсужденія положенія, въ которомъ очутилась академія послѣ закрытія ея военнымъ министромъ и послѣ объявленія студентами общеакадемической забастовки.

---

[1]) „Рѣчь“, 1907 г. 7-го апрѣля, № 82. „Московскія Вѣдомости“ 1907 г. 8 апрѣля, № 82 и др.

Часть профессоровъ протестовала противъ поведенія начальника академіи, который, по ихъ мнѣнію, обращался къ конференціи только тогда, когда дѣла академіи запутывались настолько, что самъ начальникъ не въ состояніи былъ распутать ихъ. Профессора эти возмущены были, видите ли, увольненіемъ изъ академіи 39 студентовъ и закрытіемъ ея даже безъ вѣдома профессорской коллегіи. Они указывали начальнику на вредъ подобнаго веденія дѣлъ, потому что въ концѣ концовъ студенчество вполнѣ справедливо (?!) негодуетъ на молчаніе конференціи профессоровъ, а не на дѣйствія чуждаго (!) имъ военнаго министра.

Первое засѣданіе прошло въ спорахъ о правахъ и обязанностяхъ конференціи и начальника академіи и окончилось совершенно безрезультатно. По вопросу о дальнѣйшей участи академіи профессора высказались въ томъ смыслѣ, что только военный министръ (чуждый-то академіи?) можетъ возстановить порядокъ.

На второмъ засѣданіи было приступлено къ обсужденію вопроса о возобновленіи занятій. Такъ какъ предварительно нужно было успокоить студентовъ, возмущенныхъ (!) увольненіемъ своихъ товарищей, часть профессоровъ требовала, чтобы конференція сдѣлала что-нибудь для смягченія участи уволенныхъ. Большинство съ этимъ вполнѣ согласилось, тѣмъ болѣе, что оно было поражено суровостью (?!) кары постигшей 39 студентовъ, значительная часть которыхъ никакого-де отношенія къ инциденту 19 марта не имѣла.

Послѣ продолжительныхъ преній конференція постановила ходатайствовать передъ военнымъ министромъ о пересмотрѣ всего дѣла объ увольненіи студентовъ при участіи профессорской коллегіи академіи. По вопросу объ открытіи академіи для занятій опредѣленнаго рѣшенія конференція не вынесла. Всѣ профессора признали, что до праздника Св. Пасхи о возобновленіи занятій не можетъ быть и рѣчи.

30 апрѣля 1907 г. состоялось экстренное засѣданіе конференціи профессоровъ военно-медицинской академіи по вопросамъ о началѣ лекцій и экзаменовъ на всѣхъ курсахъ академіи. По первому вопросу пришли къ заключенію о необходимости скорѣйшаго продолженія чтенія прерванныхъ лекцій, причемъ днемъ начала лекцій для всѣхъ студентовъ, кромѣ 5 курса, назначено было 1 мая. Чтеніе лекцій рѣшено

закончить, по возможности, къ 15 мая, послѣ чего немедленно приступить къ курсовымъ экзаменамъ; на 5 курсѣ, въ виду окончанія лекцій и занятій, государственные экзамены начать теперь же.

По окончаніи засѣданія конференціи профессоровъ состоялось экстренное засѣданіе совѣта старостъ военно-медицинской академіи; долженъ былъ рѣшиться вопросъ о томъ, какъ реагировать на постановленіе конференціи о началѣ лекцій 1 мая, а экзаменовъ—15 мая, принимая во вниманіе, что участь уволенныхъ студентовъ еще не рѣшена, а постановленіе послѣдней общей сходки обязуетъ студентовъ не заниматься. Засѣданіе было закрытымъ.

Между тѣмъ пересмотръ дѣла объ исключенныхъ студентахъ порученъ былъ особой комиссіи, въ составѣ которой находились профессора. 18 сентября 1907 г. состоялось засѣданіе конференціи военно-медицинской академіи и былъ заслушанъ докладъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. *Скориченко.* Уволенные студенты подраздѣлялись на четыре категоріи. Къ первой категоріи относились студенты, отказавшіеся отъ дачи показаній ген. Бородкину, къ второй—старосты. Изъ 14 старостъ уволены были 10 безъ права обратнаго поступленія, причемъ двое изъ уволенныхъ не состояли уже въ совѣтѣ старостъ ко дню увольненія; къ третьей категоріи отнесены 4 студента, которые неумѣстнымъ разговоромъ съ проф. Терешинымъ нарушили благочиніе на лекціяхъ; къ четвертой, наконецъ, группѣ отнесены 5 студентовъ, обвинявшихся въ нанесеніи побоевъ союзникамъ. Всего уволено было, какъ говорилось уже выше, 39 человѣкъ. Комиссія проф. Скориченко допросила какъ обвиняемыхъ, такъ и очевидцевъ. Кромѣ студентовъ, допрошены профессоръ Терешинъ и два штабъ-офицера, бывшіе свидѣтелями инцидента. Собравши всѣ данныя, комиссія проф. Скориченко пришла какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ къ выводу, что всѣ уволенные, подавшіе прошеніе объ обратномъ пріемѣ, подлежатъ возвращенію въ академію. Конференція военно-медицинской академіи не согласилась, однако, съ выводами комиссіи. Нѣкоторые изъ возражавшихъ противъ заключенія комиссіи ссылались между прочимъ на то, что докладомъ набрасывалась тѣнь на генерала Бородкина и наносилось оскорбленіе самому начальнику академіи, въ

свое время подавшему военному министру особое мнѣніе объ уволенныхъ, съ которымъ министръ согласился, и студенты были уволены. Въ заключеніе конференція поручила разслѣдованіе дѣла новой комиссіи, предсѣдателемъ которой былъ выбранъ проф. *Вельяминовъ*, а членами проф. *Белярминовъ* и *Сиротининъ*.

Какъ же отнеслись къ инциденту наши „ученые". Одинъ изъ нихъ да при томъ еще состоящій въ разрядѣ „свѣтилъ" произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ свой широкій взглядъ на студенчество.

— Я раздѣляю,—сказалъ онъ,—студентовъ на три категоріи. Первая категорія состоитъ изъ студентовъ-сангвиниковъ, которыхъ не удовлетворяетъ узкая сфера науки—они ищутъ широкихъ горизонтовъ, широкаго простора для своей дѣятельности; имъ принадлежитъ будущее; у нихъ мы должны учиться (?!), за ними слѣдовать (?!); вторая категорія, наиболѣе многочисленная, состоитъ изъ безпартійныхъ студентовъ, готовыхъ склониться и вправо, и влѣво; наконецъ, послѣдняя категорія студенты-академисты, вырождающіеся типы, худосочный ферментъ, группа немногочисленная и не стоющая вниманія...

√ Какъ будто бы профессоръ совсѣмъ не зналъ, что студенты-академисты, это тѣ, именно, студенты, которые хотятъ прежде всего учиться, ибо безъ знаній, безъ науки не можетъ быть и широкихъ горизонтовъ, широкаго простора для дѣятельности; это тѣ студенты, которые, по мѣрѣ силъ и возможности, ратуютъ противъ хулиганствующихъ товарищей, обратившихъ храмъ науки въ пристанище бомбистовъ и экспропріаторовъ. „Ученый мужъ" этихъ, желающихъ учиться студентовъ, шельмовалъ, какъ выродковъ, не стоющихъ вниманія. Можно ли итти дальше въ безстыдствѣ и цинизмѣ?

Оказывается, что можно, и доказательствомъ тому служитъ письмо академика *Маркова*, опубликованное лѣвою печатью. Марковъ написалъ слѣдующее:

„Привѣтствую студентовъ медиковъ за ихъ рѣшимость не терпѣть въ своей средѣ членовъ „Союза Русскаго Народа" и другихъ подобныхъ легализованныхъ организацій, которыя *имѣютъ наглость* прикрывать свои личные интересы именемъ русскаго народа".

Академикъ, олицетворяющій, такъ сказать, сливки нашей зрѣлости, у котораго, надо полагать, испортилось, подтерлось нѣсколько винтиковъ въ головѣ, привѣтствуетъ насильниковъ, гнусно избившихъ въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія своихъ товарищей, имѣвшихъ мужество открыто заявить свое несогласіе съ ихъ предательскими убѣжденіями. Вмѣсто того, чтобы испытывать величайшую скорбь и негодованіе при видѣ подобной одичалости учащейся молодежи; вмѣсто того, чтобы сказать слово рѣшительнаго и авторитетнаго осужденія, онъ радуется и привѣтствуетъ хулигановъ!

Студенты напечатали Маркову открытое письмо:

„Мы, студенты перваго курса военно-медицинской академіи, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить вамъ глубокую признательность за моральную поддержку, оказанную вами намъ въ борьбѣ съ „Союзомъ Русскаго Народа“. Мы извиняемся въ томъ, что не сдѣлали этого раньше, и лишній разъ выражаемъ свое презрѣніе черносотенной прессѣ, напечатавшей грязный доносъ по вашему адресу. Еще разъ привѣтствуемъ васъ, истинную гордость (?) русской науки вообще и академіи наукъ въ частности“.

Время шло... 8 ноября 1910 г. во время чтенія лекціи на третьемъ курсѣ профессоромъ *Яновскимъ* въ аудиторію вошло нѣсколько студентовъ, въ томъ числѣ и старосты. Пришедшіе обратились къ г. Яновскому съ просьбой отъ имени студентовъ *не читать лекцій въ виду похоронъ Толстого*; при этомъ произведены были довольно крупные безпорядки.

Вслѣдствіе изложеннаго 11 ноября въ военно медицинской академіи опубликованъ былъ слѣдующій приказъ и. об. начальника академіи В. Варлиха:

„8 сего ноября нѣкоторые студенты академіи позволили себѣ произвести дѣйствія, не отвѣчающія понятіямъ объ уваженіи къ наукѣ и къ Императорской военно-медицинской академіи, въ которой они имѣютъ честь находиться: 1) на лекціяхъ нѣкоторые студенты обратились къ профессорамъ съ просьбой не читать лекцій, пѣли въ аудиторіяхъ, устраивали сборища съ цѣлью ворваться на лекцію другого курса и помѣшать занятіямъ, агитировали среди товарищей съ предложеніемъ покинуть аудиторію во время чтенія лекцій; 2) состо-

ялось незаконное сборище въ аудиторіи клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, которое не желало разойтись послѣ приказанія академическаго начальства. Военный Министръ на докладѣ моемъ объ этихъ безпорядкахъ пришелъ къ заключенію, что среди студентовъ высшаго военнаго учебнаго заведенія находятся лица, не желающія подчиняться военнымъ порядкамъ и дисциплинѣ, а потому приказалъ объявить: 1) что для военнаго дѣла такія лица не нужны и 2) что не подчиняющіеся воинской дисциплинѣ студенты могутъ избрать себѣ дѣятельность внѣ военнаго вѣдомства" [1]).

Сходки студентовъ и безпорядки продолжались. Оставлять далѣе въ такомъ положеніи дѣло было рѣшительно невозможно, и правительство стало настоятельно принимать мѣры къ водворенію въ академіи дисциплины, тѣмъ болѣе, что 8 ноября 1912 г., въ день второй годовщины Л. Н. Толстого, сходка студентовъ военно-медицинской академіи приняла резолюціи съ протестомъ противъ смертной казни [2]), при чемъ студенты очень безчинствовали.

Въ 14 день ноября 1912 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволить студентамъ Императорской военно-медицинской академіи отдавать честь:

1. Становясь во фронтъ: Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, великимъ князьямъ, великимъ княгинямъ и великимъ княжнамъ; иностраннымъ государямъ, имѣющимъ титулъ Величества и ихъ наслѣднымъ принцамъ; знаменамъ, штандартамъ и морскимъ знаменнымъ флагамъ; военному министру и начальнику академіи.

2. Не становясь во фронтъ: не поименованнымъ въ п. 1 Особамъ Императорской фамиліи, всѣмъ состоящимъ на службѣ, числящимся въ запасѣ или отставкѣ—генераламъ, а также штабъ и оберъ-офицерамъ арміи и флота, военнымъ и ветеринарнымъ врачамъ, своимъ прямымъ начальникамъ и профессорамъ академіи.

Объявляя о семъ по военному вѣдомству, военный министръ генералъ Сухомлиновъ присовокупилъ, что студенты Императорской военно-медицинской академіи въ отношеніи

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 1910 г., 16 ноября, № 269.
[2]) „Рѣчь“, 1912 г., 9 ноября, № 308.

отвѣтственности за несоблюденіе правилъ военнаго чинопочитанія и воинскаго благочинія приравниваются къ воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ; поэтому, въ случаѣ нарушенія ими названныхъ правилъ, генералы, штабъ и оберъ-офицеры не пользуются правомъ арестованія ихъ, а должны лишь ограничиваться напоминаніемъ и сообщеніемъ фамиліи студента его непосредственному начальству [1]). Затѣмъ 7 декабря Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ соотвѣтствіе съ другими военными академіями, подчиненными начальникамъ главныхъ управленій по принадлежности, подчинить Императорскую военно-медицинскую академію главному военно-санитарному инспектору, предоставивъ ему выработать и представить на утвержденіе проектъ положенія объ академіи на новыхъ началахъ, одобренныхъ военнымъ совѣтомъ 30 декабря 1911 года.

Уже въ день опубликованія приказа объ отданіи чести среди студентовъ академіи возникъ вопросъ о созывѣ обще-академической сходки и принятіи резолюціи, въ которой нашло бы себѣ выраженіе отношеніе студентовъ къ приказу.

27 ноября во всѣхъ аудиторіяхъ, а также въ студенческой столовой стали распространяться воззванія, призывающія студентовъ къ выступленію съ протестомъ. Къ двумъ часамъ дня изъ всѣхъ клиникъ и лабораторій отдѣльныя группы студентовъ стали направляться въ гинекологическую клинику проф. Д. Д. Попова, гдѣ должна была состояться обще-академическая сходка. Собралось около 600 студентовъ, общее же число студентовъ академіи было 700.

Сходка „всесторонне обсудивъ", по ея мнѣнію, создавшееся положеніе, постановила: „пріостановить занятія на три дня; не подчиняться приказу объ отданіи чести, хотя бы это грозило репрессіями, впредь до измѣненія порядка отдачи чести въ болѣе соотвѣтствующемъ положенію студентовъ академіи смыслѣ; отмѣнить традиціонный концертъ—балъ въ пользу недостающихъ студентовъ академіи, назначенный на 5 декабря, и не явиться на годичный актъ, устраиваемый начальникомъ академіи 18-го декабря". Далѣе резолюція предлагала не посѣщать лекцій начальника академіи проф. *Вельяминова* и не становиться во фронтъ при отданіи ему чести.

[1]) „Рѣчь", 1912 г., 25 ноября, № 324.

Къ концу сходки въ клинику проф. Д. Д. Попова явились представители академической инспекціи штабъ-офицеры: *Соловьевъ*, *Максимовъ* и *Жадимировскій*, но въ аудиторію они не вошли [1]).

Въ связи съ объявленной забастовкой жизнь въ военно-медицинской академіи замерла. 28 ноября изъ 20-ти полагавшихся по расписанію лекціонныхъ часовъ состоялось только пять. Наибольшее число состоявшихся лекціонныхъ часовъ приходилось на младшіе курсы. Практическія занятія, которыя обычно привлекали много участниковъ, на этотъ разъ не состоялись за отсутствіемъ студентовъ. Въ анатомическомъ театрѣ, клиникахъ, кабинетахъ гистологіи, химіи и др. не видно было ни одного студента [2]).

И вотъ пошли, какъ говорится, на „попятный дворъ".

Начальникомъ академіи проф. Вельяминовымъ, въ дополненіе къ приказу отъ 14-го ноября 1912 года объ отданіи студентами академіи воинской чести, изданъ былъ новый приказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось. „Въ отличіе отъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и нижнихъ чиновъ, студентамъ не вмѣняется въ обязанность отдавать честь генераламъ, становясь во фронтъ, за исключеніемъ военно-санитарныхъ инспекторовъ". Дальше приказъ разъясняетъ, что отданіе чести равносильно поклону, слѣдовательно онъ представляетъ собою актъ вѣжливости, который должны выполнять всѣ воинскіе чины. Единственнымъ исключеніемъ изъ числа всѣхъ, носящихъ военную форму, были студенты военно-медицинской академіи. Такое положеніе студентовъ нельзя было считать нормальнымъ. Нежеланіе же студентовъ исполнять существующія въ академіи правила можетъ разсматриваться, какъ нежеланіе продолжать ученіе въ академіи [3]).

Студенты учли положеніе вещей, и на почвѣ отданія чести начались крупные скандалы, перешедшіе затѣмъ въ безпорядки, достигшіе высшаго напряженія 9 марта 1913 г., когда на глазахъ публики обалдѣвшіе студенты срывали съ форменной одежды отличительные знаки, бросали ихъ на землю, топтали ногами и всячески неиствовали. Это была

---

1) „Рѣчь", 1912 г., 28 ноября, № 327.
2) „Рѣчь", 1912 г., 29 ноября, № 328.
3) „Земщина", 1913 г., 10 января, № 1210.

одна изъ самыхъ пошлыхъ и дикихъ современныхъ картинъ жизни военно-медицинской академіи, наложившая несмываемый позоръ на всѣхъ ея воспитанниковъ. Дѣло началось съ 27 февраля. Въ этотъ день штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка Н. Н. Саламановъ, проходя по Большой-Монетной улицѣ, замѣтилъ студента IV курса Императорской военно-медицинской академіи Марковина, разговаривавшаго съ молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ форму той же академіи, но безъ погонъ. Послѣдній, какъ выяснилось впослѣдствіи, оказался окончившимъ академію студентомъ Вольскимъ. Студентъ Марковинъ не отдалъ офицеру установленной чести, а Вольскій, увидя направляющагося къ нимъ для того, чтобы сдѣлать замѣчаніе, шт.-капитана Саламанова, быстро ушелъ. На вполнѣ корректное и спокойное напоминаніе штабсъ-капитана Саламанова Марковинъ возразилъ, что чести отдавать не желаетъ, фамиліи своей не назоветъ, билета не отдастъ и въ комендантское управленіе не поѣдетъ; заявивъ это, онъ быстрыми шагами направился отъ офицера. Штабсъ-капитанъ Саламановъ, послѣдовавши за студентомъ, настигъ его только на Каменноостровскомъ проспектѣ близъ Ружейной улицы. Марковинъ вскочилъ въ трамвай, намѣревался скрыться отъ офицера; тогда Н. Н. Саламановъ, видя, что трамвай уже тронулся, обратился къ постовому городовому съ требованіемъ задержать студента. По остановкѣ трамвая, городовой попросилъ Марковина сойти, такъ какъ есть заявленіе о его задержаніи. Марковинъ сошелъ съ задней площадки и съ крикомъ: „А, ему нужна моя честь!“... совершенно неожиданно дважды нанесъ офицеру оскорбленіе дѣйствіемъ. Штабсъ-капитанъ обнажилъ шашку и ударилъ ею Марковина по головѣ выше уха. Городовой въ это время схватилъ офицера за руку. Собравшаяся толпа, не разобравъ въ чемъ дѣло, съ угрозами подступила къ Саламанову, но усиліями двухъ случайно проходившихъ и подоспѣвшихъ офицеровъ была остановлена. Студентъ Марковинъ по наложеніи перевязки былъ тотчасъ же доставленъ въ клиническій военный госпиталь, гдѣ ему была произведена трепанація черепа; положеніе его признано не внушающимъ опасеній. Марковинъ—сынъ статскаго совѣтника, преподавателя 10-й гимназіи, человѣка почтеннаго и правыхъ убѣжденій; мать же студента Марко-

вина, городская учительница, по разсказамъ знающихъ ее лицъ,—совершенно лѣвая; она-то, повидимому, и дала направленіе своему сыну. Передаютъ, напримѣръ, что послѣ опубликованія правилъ объ отданіи студентами-медиками чести офицерамъ, эта почтенная городская учительница нарочно прогуливалась по Невскому проспекту подъ-руку съ сыномъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы онъ не отдавалъ чести встрѣчавшимся офицерамъ. Случилось такъ, что во время одной такой прогулки къ Марковину обратился офицеръ съ замѣчаніемъ. Тогда мать Марковина вмѣшалась и сказала: „Онъ ведетъ подъ руку больную мать, не дѣлайте ему замѣчаній“.

Въ столкновеніи съ штабсъ-капитаномъ Саламановымъ, студентъ Марковинъ сразу же принялъ вызывающій тонъ, между тѣмъ какъ офицеръ обратился къ нему совершенно спокойно и замѣчаніе сдѣлалъ въ вѣжливой формѣ. Даже лѣвыя газеты, поднявшія по поводу этого случая гвалтъ, и старавшіяся представить Марковина „нервно переутомленнымъ“ или даже душевнобольнымъ—не рѣшились очень ужъ искажать истину и сообщили, что самъ Марковинъ, при допросѣ его начальникомъ академіи, категорически заявилъ, что штабсъ капитанъ Саламановъ сдѣлалъ замѣчаніе сдержанно и вѣжливо и ничѣмъ не вызвалъ грубаго поступка его, Марковина. Какъ же поступили профессора въ этой исторіи. А вотъ какъ. Студенты академіи составили сходку и вынесли резолюцію съ протестомъ на дѣйствія штабсъ-капитана Саламанова, а затѣмъ послали депутацію къ завѣдывавшему академіей профессору *Беллярминову*—сообщить резолюцію сходки. Беллярминовъ принялъ депутатовъ очень любезно, открыто выразилъ имъ свое полное сочувствіе и сказалъ, что „у офицеровъ слишкомъ повышенная чувствительность и отсутствуютъ задерживающіе центры“. Другой профессоръ *Кравковъ* тотчасъ же послѣ случая съ Марковинымъ отправился къ нему въ клинику, гдѣ тотъ лежалъ, выразить свое сочувствіе. Третій профессоръ—*Федоровъ*, когда къ нему въ клинику явились офицеры гренадерскаго полка, для выясненія нѣкоторыхъ подробностей происшедшаго инцидента съ Марковинымъ, не приказалъ даже провести ихъ въ пріемную, а оставилъ дожидаться въ какой-то проходной комнатѣ—въ коридорѣ и не

выходилъ къ нимъ съ полчаса, хотя ничѣмъ не былъ занятъ. Этимъ почтенный профессоръ хотѣлъ показать свое пренебреженіе къ офицерамъ, явившимся въ клинику съ оффиціальнымъ порученіемъ 1).

Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на студентовъ подобный образъ дѣйствій профессоровъ и какую роль исполняли они въ разыгравшихся событіяхъ въ академіи.

Послѣ столкновенія съ Марковинымъ, штабсъ-капитанъ Н. Н. Саламановъ представилъ подробный рапортъ своему полковому командиру, въ которомъ изложилъ всѣ обстоятельства инцидента. Считая невозможнымъ для себя оставаться въ полку, послѣ того, какъ ему было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

По полученіи рапорта, командиръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка передалъ дѣло штабсъ-капитана Саламанова на разсмотрѣніе офицерскаго суда чести. Судъ чести, всесторонне обсудивъ дѣло, пришелъ къ слѣдующему заключенію: нанесеніе шт.-кап. Саламановымъ раны студенту Марковину,—случай самъ по себѣ прискорбный,—вызвано было, однако, обстоятельствами дѣла и явилось актомъ защиты чести и достоинства офицерскаго мундира. Удары, полученные шт.-кап. Саламановымъ отъ студента Марковина, не могутъ быть признаны оскорбленіемъ: шт.-кап. Саламановъ признанъ пострадавшимъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, и на основаніи всего вышеизложеннаго вопросъ объ оставленіи полка шт.-кап. Саламановымъ рѣшенъ судомъ чести отрицательно и его рапортъ оставленъ безъ разсмотрѣнія.

Приходится отмѣтить глубоко возмутительное одобрительное отношеніе нашей городской публики къ бунтующимъ студентамъ-медикамъ. Не говоримъ, общества, ибо у общества русскаго двухъ мнѣній нѣтъ о создавшемся совершенно невозможномъ положеніи русскаго офицера, который, благодаря неправильно истолкованному правилу отданія чести и, пожалуй, злонамѣренному потакательству начальства военно-медицинской академіи, на каждомъ шагу можетъ столкнуться съ распропагандированнымъ студентомъ-хулиганомъ и подвергнуться грубому оскорбленію съ его стороны.

---

1) „Прямой Путь", 1913 г., вып. IV.

Случаи демонстративнаго уклоненія студентовъ-медиковъ отъ отданія чести офицерамъ стали учащаться. Только за два мѣсяца дѣйствія дисциплинарнаго комитета имъ подвергнуты были аресту на гауптвахтахъ 34 студента, 29 студентовъ подпали подъ манифестъ 21 февраля 1913 года и освобождены отъ наказанія; кромѣ того, нѣсколько студентовъ лишены временно казенной стипендіи и около ста получили замѣчанія и выговоры.

8-го марта въ С.-Петербургѣ произошло новое кровавое столкновеніе студента-медика на этотъ разъ съ юнкеромъ. По оффиціальному донесенію начальника технической артиллерійской школы, дѣло было такъ. По Невскому шли три юнкера, воспитанники технической артиллерійской школы; ихъ обогналъ студентъ военно-медицинской академіи, армянинъ Пиролянцъ и пустилъ по адресу юнкеровъ обидное замѣчаніе. Судя по всей обстановкѣ, приходится предположить, что студентъ былъ не вполнѣ трезвъ. Извѣстную роль въ столкновеніи сыграли двѣ дѣвицы, личность которыхъ не установлена, такъ какъ онѣ сейчасъ же скрылись. Задѣтые медикомъ юнкера потребовали, чтобы онъ отъ нихъ отсталъ. Въ отвѣтъ на это студентъ обратился къ юнкерамъ съ требованіемъ отдать ему воинскую честь, заявивъ: „Офицеры требуютъ, чтобы мы отдавали имъ честь, мы будемъ требовать, чтобы вы отдавали ее намъ". Споръ становился все рѣзче; въ концѣ концовъ студентъ набросился съ кулаками на одного изъ юнкеровъ. Одинъ изъ нихъ обнажилъ шашку, студентъ-медикъ, желая защитить себя отъ удара, схватилъ руками ея клинокъ и этимъ причинилъ себѣ пораненіе руки. Другой юнкеръ получилъ нѣсколько ранѣе серьезный ударъ кулакомъ по лицу—до крови.

Въ самой академіи настроеніе студентовъ было все время крайне напряженное. Студенты пытались организовать летучую сходку, но неудачно. Администрація академіи 1 марта приняла мѣры къ недопущенію сходки: аудиторіи послѣ занятій были заперты на ключъ. Тѣмъ не менѣе въ $5^1/_2$ часовъ вечера толпа студентовъ до 200 человѣкъ проникла въ аудиторію Бехтеревской клиники, гдѣ между прочимъ была уже сходка, и стала обсуждать инцидентъ. Въ заранѣе составленной и вынесенной резолюціи подтверждено постановленіе предыдущей сходки съ выраженіемъ протеста

противъ приказа объ отданіи чести офицерскимъ чинамъ, затѣмъ назначена общая забастовка на 4 марта и выраженъ протестъ по поводу назначенія новаго начальника Макавѣева.

9 числа, послѣ исторіи съ Пиролянцемъ, студенты меди цинской академіи стали собираться въ клиникѣ профессора Павлова, но оповѣщенные во время штабъ-офицеры уже дежурили въ этой клиникѣ и поэтому здѣсь сходка состояться не могла. Тогда студенты, разбившись на группы, направились въ столовую, гдѣ и состоялась сходка. Дежурившій въ столовой штабъ-офицеръ, полковникъ Клембовскій, пытавшійся помѣшать сходкѣ, былъ хитростью студентовъ запертъ въ особой комнатѣ; прибывшіе же другіе штабъ-офицеры не могли проникнуть въ столовую, такъ какъ студенты заперли двери и поставили дежурныхъ. На сходкѣ присутствовало свыше 400 человѣкъ. Послѣ довольно продолжительныхъ и горячихъ преній, была принята заранѣе составленная резолюція, въ которой студенты протестовали противъ приказа объ отданіи чести и возникшаго вопроса о реформѣ академіи. Постановлено: 1) прекратить занятія до измѣненія создавшагося положенія; 2) ради безопасности (?) снять всѣмъ съ себя форму (погоны, кокарду и шпагу), которая является однимъ изъ поводовъ къ безсмысленнымъ столкновеніямъ; 3) выразить свое сочувствіе товарищу Пиролянцу; 4) обратить вниманіе членовъ Государственной Думы па создавшееся положеніе вещей и 5) заявить о своемъ удивленіи тѣмъ профессорамъ академіи, которые дали свое согласіе участвовать въ дисциплинарномъ комитетѣ, вмѣстѣ съ шт. офицерами. Горячія пренія возникли по п.п. 1 и 2, которые въ концѣ концовъ все-таки были приняты сходкой. Помимо резолюціи, сходкой былъ избранъ своего рода неоффиціальный „забастовочный комитетъ", въ который вошли курсовые представители. Комитету было поручено неослабно слѣдить за теченіемъ забастовки и въ случаѣ, если послѣдняя не будетъ единодушно производиться, то названному комитету поручено особымъ извѣщеніемъ оповѣстить студенчество о прекращеніи забастовки. Послѣ принятія резолюціи и выбора комитета, сходка была закрыта, и студенты стали расходиться. Здѣсь же въ столовой и на улицѣ можно было видѣть, какъ они проводили въ жизнь только что сдѣланное постановленіе о снятіи формы. Началось разжалованіе

студентами другъ друга. Срывались, какъ говорилось уже выше, съ форменной одежды отличительные знаки: погоны и кокарды; снимались шпаги, при чемъ нѣкоторые студенты бросали снятое на полъ и, какъ опять же говорилось выше, топтали ногами. Въ теченіе нѣсколько минутъ вся масса студентовъ, свыше 400 человѣкъ, оказалась „разжалованной". Толпа двинулась къ главному зданію академіи—по Клинической и Нижегородской улицамъ. Когда студенты явились къ главному зданію, въ конференцъ-залѣ шло засѣданіе конференціи. Студенты-хулиганы стали бросать сорванные погоны въ окна зданія и намѣревались пробраться внутрь, но, по настоянію нѣкоторыхъ изъ товарищей, благоразумно разошлись [1]).

Приказомъ Военнаго Министра: „въ виду упорнаго нежеланія студентовъ академіи подчиняться требованіямъ закона, завершившагося 9 марта 1913 года общею сходкою въ столовой академіи, постановившей прекращеніе занятій и снятіе отличительныхъ военныхъ знаковъ съ установленной формы одежды, академія, впредь до особаго распоряженія, закрыта, студенты уволены, за исключеніемъ выпускныхъ, которымъ предоставлено право держать установленные экзамены". Студентамъ предложено получить документы въ канцеляріи. „Документы,—говорилось въ приказѣ,—не взятые въ теченіе недѣли, будутъ отправлены въ полицейскіе участки".

Теперь опубликовано новое положеніе, по которому академія преслѣдуетъ цѣль приготовленія врачей, преимущественно для военнаго и морского вѣдомствъ. Въ академіи вводится пять курсовъ: первый и второй—подготовительные, остальные спеціальные. Число обучающихся установлено въ 850 человѣкъ; изъ нихъ 523 обучаются на счетъ казны, остальные (397) на свой счетъ. Всѣ лица, обучающіяся въ академіи, считаются состоящими на дѣйствительной военной службѣ: слушатели подготовительныхъ курсовъ—на правахъ вольноопредѣляющихся, а слушатели спеціальныхъ курсовъ—на правахъ зауряд-врачей.

Пріемъ въ академію допускается лишь на подготовительные курсы. Не допускаются къ пріему иностранные подданные, сыновья и внуки лицъ мужскаго и женскаго пола, родившихся въ іудейской вѣрѣ, уволенные изъ академіи

[1]) „Прямой Путь", 1913 г., кн. III.

или другихъ учебныхъ заведеній, одержимые болѣзнями и физическими недостатками, препятствующими службѣ военнаго врача, перешедшіе двадцатипятилѣтній возрастъ и женатые. Лица, принятыя въ академію слушателями, немедленно приводятся къ присягѣ на вѣрность службы; тѣ же, кто поступаетъ въ академію изъ военныхъ училищъ и специальныхъ классовъ, пажескаго и специальнаго морского корпусовъ, какъ принявшіе присягу, вторично къ таковой не приводятся. Время, проведенное слушателями въ академіи, но не болѣе одного года на каждомъ курсѣ, засчитывается имъ въ срокъ выслуги и общихъ преимуществъ службы, но лишь въ томъ случаѣ, если они окончатъ курсъ и, по удостоеніи званія лѣкаря, поступятъ на медицинскую службу въ военное или морское вѣдомство.

Нарушители дисциплины и особыхъ постановленій подвергаются дисциплинарнымъ взысканіямъ, а за болѣе важные проступки предаются суду на основаніи общихъ постановленій, съ разрѣшенія главнаго военнаго инспектора.

По отбытіи студентами подготовительныхъ курсовъ, они отбываютъ лагерный сборъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, для прохожденія курса строевого обученія. Слушатели, окончившіе курсъ академіи и удостоенные въ ней степени лѣкаря, считаются отбывшими воинскую повинность. Срокъ дѣйствительной службы считается съ 1 января слѣдующаго за пріемнымъ въ академію года. Время пребыванія въ академіи, но не болѣе одного года на каждомъ курсѣ, засчитывается слушателямъ въ общій срокъ службы по уставу о воинской повинности.

Что-то дастъ академіи новое положеніе?

Военно-медицинская академія какъ-никакъ, а все же учебное заведеніе военнаго вѣдомства, а поэтому всевозможныя безобразія, творимыя студентами этой академіи, содержимой на средства военнаго вѣдомства и приготовляющей молодыхъ людей къ службѣ въ рядахъ арміи, еще болѣе нетерпимы, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ учебномъ заведеніи. Въ послѣднее время, когда со всѣхъ сторонъ трубятъ о необходимости принять мѣры къ огражденію арміи отъ разложенія, когда предлагается масса мѣръ для борьбы съ революціонною пропагандой въ рядахъ войскъ, странно читать и слышать о тѣхъ безобразіяхъ, которыя

имѣютъ мѣсто въ одномъ и при томъ единственномъ такого рода высшемъ учебномъ заведенiи военнаго вѣдомства, которое должно подготовлять военныхъ врачей. Можетъ ли быть успѣшна борьба съ революцiонною пропагандой, когда въ среду армiи ежегодно попадаетъ масса вполнѣ подготовленныхъ пропагандистовъ по своему служебному положенiю имѣющихъ возможность совершенно свободно и безопасно для себя растлѣвать армiю? Военные врачи такъ же, какъ и офицеры, обязаны быть людьми, свято чтущими присягу, вѣрными слугами своего Верховнаго Вождя и проводниками этихъ идей въ солдатскую массу, такъ какъ имъ, по роду службы, приходится имѣть непрестанное общенiе съ солдатами, а по отношенiю къ извѣстной категорiи ихъ и быть ихъ начальниками. А развѣ можно ожидать, что люди, съ такою нетерпимостью относящiеся къ своимъ же товарищамъ иныхъ, не революцiонныхъ убѣжденiй, будутъ проводить идеи, сходныя съ программой патрiотическихъ партiй, членовъ которой они избиваютъ за исповѣданiе этихъ идей?

